

The background of the cover is a romantic illustration. A man and a woman stand in a vineyard. The woman, on the left, has blonde hair styled in an updo and wears a blue dress with puffed sleeves and lace trim. The man, on the right, has dark hair and wears a dark suit with a brown vest and a white shirt with a dark cravat. They are surrounded by grapevines with golden autumn leaves. In the background, there is a large manor house on a hill, surrounded by trees, with rolling hills and a sunset sky in shades of orange and yellow.

Алиса Мелен

Полынь и Розмарин

книга 2

Происшествие на
виноградниках

Полынь и Розмарин

Алиса Мелен

**Полынь и Розмарин. Книга 2.
Происшествие на виноградниках**

«Автор»

2026

Мелен А.

Полынь и Розмарин. Книга 2. Происшествие на виноградниках /
А. Мелен — «Автор», 2026 — (Полынь и Розмарин)

Адепты Гильдии Магии Теодор Флинн и Джейн Блэквуд берутся за частное расследование: из сейфа герцога бесследно исчезает древняя статуэтка. Вор не оставил следов, подозреваемые — свои же, а каждый новый шаг заводит в тупик. Пока герои опрашивают ведьм, друидов и лепреконов, их собственные отношения трещат по швам. И разногласия в работе приводят к настолько крупной ссоре, что уже не ясно, смогут ли они быть вместе не только как коллеги, но и как возлюбленные.

© Мелен А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Артур. «Мишура иллюзий»	5
Глава 2. Дженни. «Гильдия»	11
Глава 3. Тео. «Ответственность»	19
Глава 4. Дженни. «В гостях»	27
Глава 5 . Тео. «Инициатива и безысходность»	37
Глава 6 Дженни. «Буря в стакане»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алиса Мелен

Полынь и Розмарин. Книга 2.

Происшествие на виноградниках

Глава 1. Артур. «Мишура иллюзий»

Бальный зал дворца был пышной иллюзией. Пол под ногами гостей не был простым паркетом — он переливался, превратившись в зеркальную гладь ночного озера. Каждый шаг отзывался легкой рябью, и серебряные круги расходились, чтобы тут же бесследно исчезнуть. В дрожащей глубине мелькали призрачные силуэты: проплывала русалка, чьи волосы сливались с водорослями, мелькала тень огромной, неповоротливой рыбы, замирали, пульсируя светом, хрупкие медузы. Артур Блэквуд смотрел вниз и видел под ногами собственное отражение — размытое, искаженное сотнями чужих шагов.

На его лице покоилась простая серая бархатная полумаска, дань сегодняшнему вечеру. Он презирал маскарады, весь этот шелест шёлка, шёпот за страусиными веерами, флирт, где под маской соловья всегда прятался ястреб. Здесь каждый играл роль, но пьесу писали на ходу, и получалось весьма пошло, глупо и безвкусно. Пустые разговоры, пустые люди в пышных костюмах.

Он стоял, прислонившись к прохладной мраморной колонне, и его ладонь в белоснежной перчатке чувствовала прохладу камня — единственную незыблемую вещь в этом море мишуры.

Сводчатый потолок, расписанный фресками о подвигах первых королей, внезапно погрузился во тьму, и грянул фейерверк.

Взрывы цвета рождались прямо под самыми сводами, но не осыпались вниз. Они застыли в воздухе, сплетаясь в сияющие, замысловатые узоры: вот герб королевства, вытканый из сапфировых искр; вот древний символ богини судьбы, сплетённый из изумрудного пламени; вот летящий феникс, чьи золотые перья медленно таяли, превращаясь в дымчатый шлейф. Каждая вспышка мягко освещала лица толпы снизу, отбрасывая причудливые тени, превращая на мгновение улыбки в гримасы, а маски — в озарённые изнутри живые лица.

Артур наблюдал за световой пляской без восторга. Его ум, отточенный годами управления поместьями, долгами и людьми, автоматически оценивал затраты: «Маги-иллюзионисты высшего уровня, работа примерно на шесть часов. Каждый такой „вдох толпы“ стоит казне несколько десятков тысяч золотых, не считая доплаты зрителю праздников.»

Внезапный смех — звонкий, знакомый и режущий слух — заставил его повернуть голову. Группа молодых дворян из свиты принца, их маски — звериные морды. Один из них, в маске лиса, что-то оживленно рассказывал, жестикулируя бокалом. Вино, тёмное, как кровь, плескалось, грозя испачкать белоснежные манжеты, и знакомое, тяжёлое отвращение захлестнуло Артура.

В воздухе повеяло сладковато-терпким запахом мирры, смолы и хвои ещё до того, как она заговорила. Он ощутил лёгкую головную боль. Опять.

Фрейлина её величества в очередной раз материализовалась у его локтя, будто вырастающая из самой тени колонны. Её платье представляло собой нагромождение мшисто-зелёного и древесно-коричневого тюля, из складок которого, словно паразитические побеги, торчали искусственные веточки и бутафорские ягоды. В волосах — венок из посеребрённых папоротников, уже слегка помятый за вечер. Маска из зелёного кружева скрывала верхнюю часть лица, оставляя на виду лишь накрашенные губы, сложенные в умильную улыбку.

Артур отвёл взгляд: «Дриада. Нимфа. О боги». Самый затрапезный, если не сказать нафталиновый выбор из всего маскарадного бестиария. Кому в здравом уме могло приглянуться это унылое воплощение сырости и подлеска на балу? Он был абсолютно уверен, что во времена его покойной прабабки этот образ уже считался заезженным и пошлым, достойным разве что провинциальных собраний. И этот навязчивый, удушливый запах «леса» — алхимические духи, которые должны были пахнуть свежестью, а пахли аптекой и убогим усердием.

— Ваше сиятельство, — её голосок прозвучал нарочито томно, совершенно не сочетаясь с образом нимфы.

Фрейлина сделала шаг ближе, и запах хвои ударил в нос сильнее.

— Не могу не сказать, какое чудо — ваша младшая сестра! Джейн, кажется? Просто диковинка! То и дело слышу про её успехи в Гильдии и Академии. Говорят, она способна договориться даже с самыми дикими лесными духами! — она кокетливо взмахнула «веточкой», торчащей у неё из рукава. — Прямо как настоящая дриада, не находите? Такая... природная сила!

«Природная сила». В её устах это звучало не как комплимент, а как светское снисхождение к чему-то экзотическому, непонятному и слегка вульгарному. Ему представилось, как эта перегруженная тряпками дама пытается «договориться» с настоящим, гневным фоуккой, и пальцы непроизвольно сжались.

— Леди Джейн проявляет усердие в избранной стезе, — согласился Артур, стараясь сохранять спокойствие.

Скулы под маской напряглись от этого вынужденного признания. Весь двор болтал о том, чего, по его твёрдому убеждению, не должно было случиться.

Всё началось с того проклятого аббатства! Настоятель написал восторженный отчёт самому прелату, главе Луны-Зеркала: мастерские, стоявшие втуне, заработали как в былые времена; скот, прежде нервный и тощий, теперь стоял смирный и упитанный; поля, едва дававшие прозябание, вдруг принесли небывалый урожай. Дети в приюте смеялись, монахи ходили с просветлёнными лицами, и даже стены, говорят, будто перестали сыреть. Дух-проказник изгнан, хоть никто так и не понял, что за нечисть там орудовала — тролль, богган или неведомая тварь из глубин соснового леса. И вся эта благодать, по словам настоятеля, заслуга «юных леди Джейн и лорда Теодора».

А потом подключился Освин, верховный маг королевского совета. Артур так и не докопался, что именно они вернули архимагу — какую-то реликвию для его новых изысканий. Ясно было одно: вещь была редкой, да к тому же, как выяснилось, Освин заплатил за неё из собственного кошелька, а не из казны.

И теперь, к глубочайшему раздражению и тревоге Артура, подвиги Дженни и Теодора стали излюбленной темой для пересудов не только в гильдейских коридорах, но и здесь, в самом сердце высшего света. И обсуждали их не с порицанием за своеволие, а с одобрением — причём с подачи самого принца и его ближайшего окружения. «Приключения» Дженни и Флинна превратились в популярную придворную басню о молодых героях.

Быть может, из-за этого, а ещё из-за того что этим двоим на самом деле весьма хорошо удавалось скрывать свою привязанность, никаких неприятных слухов в обществе не возникло.

Флинн повёл себя блестяще, Артур даже не рассчитывал на такую безукоризненную осторожность. Теодор никогда не говорил Джейн комплиментов, не относящихся к работе или учёбе. На балах и званых ужинах он так умело сдерживал своё увлечение, что Блэквуд диву давался. Флинн часто приглашал на танец других дам и в обществе Джейн иной раз выглядел едва ли не скучающим. «В нём явно погиб актёр, если их когда-нибудь вышвырнут из Гильдии, надо будет посоветовать Флинну поступить в королевский театр» — отстранённо думал Артур.

В том, что чувства к Джейн всё-таки были, Артур не сомневался — убедительным доказательством служили вечера в особняке Блэквудов. За семейным ужином или чашкой чая в

гостиной Теодор позволял себе расслабиться, и тогда его взгляд, устремлённый на Дженни, менялся, становился мягче, теплее. Исчезали осторожные паузы, менялись темы: он расспрашивал её о книгах, которые она успела прочесть, о новинках в той лавке для художников, которую она обожала, или о диковинках в кондитерском магазинчике. И сам рассказывал — о своём детстве в родовом гнезде, о дальних поместьях Флиннов, куда страстно мечтал когда-нибудь её пригласить.

Мать, леди Блэквуд, перестала оказывать Теодору нарочитые знаки внимания — видимо, окончательно убедившись, что он «уже никуда не денется». Хотя Артур подозревал, что в этом была и заслуга самой Джейн. Сестра, должно быть, попросила маму не смущать Флинна и его родню столь явным расположением.

Вайтмор и Фрогголт теперь отзывались о Флинне как о друге детства, который всегда был вхож в их круг общения. Артур несколько раз слышал, как Лео и Инес делились с окружающими выдуманной историей о том, что Теодор и Дженни ещё в лицее планировали работать вместе — так как оба хотели быть изгоняющими, дополняли друг друга в подходах к волшебству и к тому же были друзьями.

Таким образом, общество получило вполне приличную, даже скучноватую версию событий: молодые люди из хороших семей, связанные общей профессией и старой дружбой решили стать напарниками в Гильдии. Что могло быть естественнее? Артура эта версия устраивала — она была безопасна, как стерильная повязка на ране.

Фрейлина перед ним продолжала томно улыбаться, собираясь, видимо, излить новый поток восторгов, когда за её спиной раздался радостный, слишком громкий возглас:

— Блэквуд! Вот вы где!

Артур ощутил, как по телу пробежала лёгкая, знакомая дрожь неприязни. Устраивало его всё, кроме одного — Фабиана Флинна.

Старший брат Теодора уже мчался к ним сквозь толпу, широко улыбаясь, будто пробивая брешь в строю неприятеля. Фрейлина разочарованно вздохнула, Артур был готов мысленно присоединиться к её вздоху. Не потому, что ему так уж хотелось продолжать этот утомительный флирт, а потому, что любая альтернатива казалась предпочтительнее общества Фабиана.

Тот, старший Флинн, наследник герцогства, оказался до странности, до навязчивости общительным. Он совершенно не смущался холодностью Артура, его краткими ответами и явным отсутствием интереса к затеваемому знакомству. Фабиан регулярно являлся в клуб, где Блэквуд любил проводить вечера — выпить виски, походя навязывал партию в карты, приглашал на конные прогулки в своём поместье с таким простодушным упорством, будто между их домами царил вековая и неразрывная дружба. И каждый раз Артур ловил себя на мысли, что за этой показной сердечностью кроется что-то ещё — то ли тонкая издёвка, то ли неуклюжая разведка, то ли непрошибаемая глупость. Но что бы это ни было, оно действовало ему на нервы куда сильнее, чем вся придворная болтовня о сестре.

Артур соглашался на эти встречи с безукоризненной вежливостью, но внутренне метал громы и молнии. Он решительно не мог понять, с какой стати Фабиан Флинн возомнил себя его другом? Неужели старший брат так искренне радовался, что его младшего теперь намертво привяжут к дому Блэквуд брачными узами? Эта перспектива явно тешила Фабиана, и в этом было что-то невероятно подозрительное, герцог мысленно отругал себя за излишнюю поспешность. Надо было проверить репутацию Флиннов досконально, с пристрастием, а не удовлетвориться беглым взглядом на их безупречный фасад. Внешне всё сходилось: их везде принимали, король им явно благоволил. Но отчего же наследник так ликовал, словно этот брак был последним шансом для Теодора обрести супругу?

В прошлом году, когда Артур вынудил Теодора подписать договор, по которому тот обязан жениться на Дженни, если о них поползут слухи, он ожидал гнева Флиннов. Сам Артур

защищал сестру, но если бы у него был брат, оказавшийся в той же ситуации, что и Тео... он бы не стал миндальничать, а действовал бы зло и решительно.

— Блэквуд, я вас везде ищу! — сияющий Фабиан уже был рядом, его громовой голос перекрыл тихую музыку. — Мисс Финниган, прошу прощения, но мне придётся увести у вас собеседника! Дело государственной важности, — добавил он с преувеличенно-важным видом, подмигнув Артуру так, словно они были сообщниками.

Мисс Финниган взглянула на него с немым недовольством, но годы придворной дрессировки взяли верх — её губы сложились в вежливую улыбку, и она совершила безупречный, но стремительный реверанс.

— Разумеется, милорд Фабиан. Ваше сиятельство, — сказала она опустив глаза, и быстро скрылась в толпе, будто настоящая нимфа, испуганная громким плеском воды.

Артур смотрел ей вслед, ощущая недолгое облегчение, прежде чем повернуться к незваному «спасителю». Фабиан Флинн предстал перед ним в костюме, который был вызовом самому духу маскарада. Сюртук — добротный, но слегка старомодного покроя, к лацкану была приколота засохшая, поблёкшая бутоньерка. Маска — простая чёрная, но с потёртостями и мелкими трещинками по краям, будто её только что вытряхнули из сундука с карнавальным хламом.

— Я — призрак прошлого бала! — весело объявил Флинн, разводя руками, как актёр на подмостках. — Пригодился прошлогодний костюм. Или позапрошлогодний? Не помню. Экономия! И времени, и денег.

Артур неопределённо хмыкнул.

— Не вам, Блэквуд, осуждать чужие костюмы, — улыбнулся Флинн, — по вам вообще непонятно, кто вы. Дайте угадаю — ангел?.. Дух света и кротости?..

— Не ломайте комедию, — устало ответил Артур, — вы прекрасно видите и остролист в петлице, и серебряную корону на голове.

— И тем не менее вы выбрали неподходящий наряд. Вам совсем не к лицу такое количество белого и стального. К тому же этот пушистый меховой воротник... Вы похожи не на Короля Зимы, а на ягнёнка. В этом всё ещё и жарко, наверняка. Слушайте, Блэквуд, выйдем-ка на улицу, а? Я бы тоже не прочь подышать.

Не дожидаясь согласия, он уже развернулся и сделал несколько шагов к ближайшей двери в сад, явно уверенный, что Артур последует за ним. Тот после мгновенной внутренней борьбы всё же последовал — тишина и прохлада были предпочтительнее духоты зала и щебета фрейлин.

В свете факелов и волшебных фонарей деревья пылали яркими пятнами жёлтого и багряного, но холодов ещё не было, и гулять было приятно. Они зашагали по усыпанной опавшими листьями дорожке, и лишь хруст под сапогами нарушал тишину.

— Вы что-то хотели, лорд Фабиан? — наконец прервал молчание Артур, не в силах больше терпеть эту показную панибратскую прогулку.

— Только спасти вас от тягостного общества, — рассмеялся Флинн. — Черт побери, вы так смотрели на мисс Финниган, что я боялся, вы не удержитесь и вызовете её на дуэль прямо здесь. Позвольте угадать: она тоже расточала комплименты леди Джейн? Дошла до подробностей про «природный дар» и «свежесть подхода»?

Артур хмуро кивнул, не устаивая этот карикатурный монолог подробным ответом. Он сжал руки за спиной.

— Понимаю вас, — неожиданно сменил тон Флинн. — Плохо, что их приключения теперь на виду у всех, мне это тоже не нравится. Наша бабушка говорила: слава — как яркий свет. Хорошо освещает путь, но и привлекает всякую ночную мошкарку, а то кого и похуже.

О боги. В какой, в какой момент этот Флинн решил, что подобные душевные разговоры между ними в порядке вещей? Какая ещё к чёрту бабушка?! Боясь сорваться в откровенную грубость, Артур перевёл тему:

— Семья вашей жены устраивает приём в следующую пятницу? Мне прислали приглашение, но я, к сожалению, не смогу. Прошу вас, передайте миссис Бейкер мои извинения.

— Разумеется, разумеется! Вы герцог, человек занятой. Да и отдых от дел должен быть совсем иного рода. Не танцы и бесконечная болтовня, — легко согласился Фабиан. — Но всё это пустяки, мне ведь и в самом деле нужно с вами поговорить.

Блэквуд взглянул на собеседника, вероятно, слишком открыто выражая то, что думал об этом «нужно», потому что Флинн снова засмеялся, коротко и сухо.

— Простите, что не перешёл к делу сразу — проверял, нет ли на нас подслушивающих чар, — его голос потерял налёт фамильярности, став деловым. — Видите ли, мой отец завтра возвращается в столицу из северных поместий. И он меня предупредил, что хочет о чём-то серьёзно поговорить с Теодором и вашей сестрой. Спрашивал, не уехали ли они из города по делам Гильдии.

Артур остановился, листья зашуршали под его каблуком.

— Вы ему говорили о договоре?

— Нет.

— Я бы не возражал, если бы вы поставили его в известность.

— Нет, поверьте, будет лучше, если он ни о чём не узнает. Вы ведь тоже ничего не сказали леди Беатрис? Пусть наши родители остаются в неведении. Тео и Дженни, очевидно, дружны и, так же очевидно, влюблены друг в друга, уверен, они поженились бы и без всяких договоров. Незачем посвящать в наши маневры отца. Он... человек расчётливый и грубый. Я не сомневаюсь, что выгоду он готов поставить выше счастья любого из своих детей.

Такая откровенность была подозрительна.

— Не удивляйтесь, Блэквуд, и простите мне мой неместный отзыв об отце. Но если нам всё же суждено стать родственниками, вам лучше иметь в виду, что за человек герцог Флинн.

— И вы опасаетесь беседы, которую ваш отец затеял провести с Джейн и вашим братом?

— Да. Я боюсь, что он мог что-то узнать. Не представляю как, но что если он начнёт на них давить? Я, разумеется, уже предупредил его, что буду присутствовать при разговоре. Но, Блэквуд, имейте в виду, я весьма настроен на этот брак. Я хочу брату счастья. И боюсь, что отец подберёт ему совсем не подходящую невесту — как это сделал Август Берк со своим сыном.

О, Артур об этом слышал! Берки выдали младшего сына за мисс Дэрроу. Невеста была раз в пятнадцать богаче жениха и на пятнадцать лет старше. В обществе эта новость вызвала фурор; такого перекося Артур ещё не припоминал. Хотя на соседних континентах, кажется, подобное практиковали, в Эйрденне разница между женихом и невестой редко насчитывала больше семи лет. И даже это уже считалось поводом для пересудов. Во всяком случае, если старше была дама.

— Короче говоря, Артур. Если вам придёт письмо от моего отца или если он сам к вам зайвится — выслушайте его, покивайте, но не обращайтесь на его слова.

— Мне это зачем нужно? Быть может, так даже лучше. Я не хочу связываться с вашим отцом.

— Теодор любит Джейн. А она любит его, вам не хуже, чем мне, это известно. А ещё известны их упрямство и твердолобость. Если им взбредёт в голову, что кто-то противится их браку, они, чего доброго, сбегут! И тайно обвенчаются где-нибудь в глуши, в сельской часовне. Прошу вас, Артур. Лучший контроль — тот, что даёт иллюзию свободы.

Мысль о том, что Дженни способна на такой отчаянный и абсолютно в её духе поступок, была очевидна.

Артур представлял себе это со всей отчётливостью: её решимость, её пренебрежение к условностям, этот вызывающий блеск в глазах, когда она считает себя загнанной в угол. Она не станет ждать разрешения, просто возьмёт и сделает. В этом и заключалась вся её суть и его, Артура, главная головная боль.

Когда они с Флином вернулись в зал, фейерверки уже отгремели. По искусственному озеру-полу под ногами гостей теперь плавали не рыбы и русалки, а сонные, искажённые отражения обычных люстр и драпировок. Воздух был тяжёл и сладок, запах потухшего пороха и алхимической пыли смешался с дорогими духами.

Бал утихал, скрипки в оркестре звучали медленнее, словно сами музыканты утомились от натужного веселья. Часть гостей уже разбрелась по краям зала, дамы сидели на кушетках, поправляя сбившиеся пряди волос, их смех стал уставшим. Кавалеры лениво перебрасывались фразами, и кто-то из них, отвернувшись, зевнул в пышный веер, отобранный, по всей видимости, у какой-то кокетки.

Слуги скользили между застывшими группами гостей, словно тени, волшебством сметая следы пира: пустые бокалы, разбросанные по мраморным столикам перчатки, смятые салфетки.

Повсюду лежали сброшенные маски, как сброшенные личины. Шёлковые, картонные, с оборванными лентами — яркая, одноразовая ложь, отслужившая свой срок.

Артур машинально взял со стола проходящего слуги свежий бокал шампанского, сделал глоток. Игристость оказалась обманчивой — на языке осталась горьковатая плоская терпкость, как послевкусие от всего этого вечера. Он поставил бокал, не допив. Взгляд его задержался на усталом зале, на забытых масках-призраках, на Фабиане, который уже оживлённо жестикулировал в стороне, втягивая в монолог какого-то своего знакомого.

Артур впервые за долгое время смотрел на Фабиана Флинна не как на досадную помеху и шумного придворного дурака. Он вполне может быть не так прост, возможно даже опасен... Но... сейчас, похоже, он был фигурой на его стороне шахматной доски.

Глава 2. Дженни. «Гильдия»

Дженни бодро шагала по длинному, залитому осенним солнцем коридору Академии, щедро разбрасывая приветствия направо и налево. Они с Тео учились уже второй год, сейчас — начало второго курса. За это время между ними... ничего не изменилось, и это было самым большим, самым неожиданным облегчением.

Она боялась, что её отказ-признание всё испортит. Да, она сказала, что тоже его любит, но её условие могло его отдалить: «Если через два года ты скажешь мне то же самое... Я приму твои чувства. Но не сейчас». Она боялась, что это оскорбит его, покажется насмешкой или безразличием.

Но когда началась учёба в Академии, им стало не до того. Не до объяснений, не до томных взглядов, не до выяснений, что же значили эти слова, и попыток их оспорить. Горы свитков, изнурительные практикумы, ночные бдения над схемами и расчётами, от которых рябило в глазах... Даже на самых сложных поручениях Гильдии Дженни не выматывалась так, как на первом курсе. Это была иная усталость — не от выброса адреналина и магии, а от постоянного, давящего груза информации, который надо было не просто пропустить через себя, а запомнить и усвоить на практике.

Сейчас она привыкла: где-то договаривалась со старшекурсниками, которые отдали ей свои, уже не нужные им, конспекты, где-то старалась появляться на лекциях, лишь делая вид, что всё записывает, а на экзаменах импровизировала.

Вандер дал им отсрочку на один год: чтобы только учёба, никакой Гильдии. И вот отсрочка кончилась, теперь можно было снова погрузиться в знакомую, манящую пучину обязанностей адептов.

Пора было напомнить Тео, что срок их академического заточения окончен и впереди — целый год, чтобы доказать всем и прежде всего самим себе, на что они способны.

Академия была устроена с роскошью, соответствующей главному учебному заведению столицы королевства: часть внутренних дворов накрывали прозрачные, но невероятно прочные магические купола. Под ними даже в самую стильную зимнюю пору царил мягкое летнее тепло. Там стояли столики из светлого дерева, за которыми студенты могли работать на свежем воздухе, не страдая от непогоды. Это место идеально подходило Тео: ощущение простора, обилие естественного света и — главное — тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц и тихим щебетом декоративных птиц-иллюзий, порхающих среди вечнозелёных растений в масивных кадках.

Тео сидел, сгорбившись над столом, заваленным книгами, свитками и листами с чертежами сложных магических схем. Луч солнца, преломлённый волшебным стеклом купола, падал на его тёмные волосы и на край рукава, где чернильное пятно соседствовало с пятном от чая. Рядом лежала нетронутая булочка. Он снова забыл поесть, уйдя с головой в расчёты очередного алхимического контура или в разбор древнего заклинания.

Дженни подошла бесшумно, но он, кажется, почувствовал её приближение — его плечи слегка вздрогнули ещё до того, как она что-то сказала. Не произнося ни слова, она аккуратно подвинула стопку его драгоценных рукописей, освобождая место на столе.

Она поставила перед ним кружку из толстой керамики с плотной крышкой, из-под которой струился пар, пахнувший густым бульоном с травами. Наваристый, с кусочками корней и мяса, идеальный, чтобы подкрепиться и прийти в себя. Рядом она положила свёрток в пергаменте, на котором уже проступало жирное пятно. Внутри был пирог — ещё тёплый, с обильной начинкой из рубленого мяса, лука и пряностей.

— Суп в дорожной кружке, — наконец сказала она, откидываясь на спинку соседнего стула, — чтобы не остыл, пока ты додумываешь, как перенаправить силовую линию. И пирог.

Она не стала его зазывать в столовую Академии или в гильдейское кафе, в котором они так давно не были. Она принесла ему обед в той форме, в которой его можно было съесть здесь и сейчас, не отрываясь надолго от работы, но всё же давая телу необходимые силы. Маленький, но красноречивый жест примирения, попытка её живого, импульсивного мира найти общий язык с его упорядоченным, рациональным. Между тем, кто привык действовать сердцем, и тем, кто подчинял расчёту даже голод.

Дженни обеспокоенно на него глянула. Флинн всегда был заучкой, ещё в лицее, он любил учиться, любил книги, любил раскладывать мир по полочкам — от магических формул до расписания дежурств. Но то рвение, с которым он погрузился в учёбу в Академии, стало сюрпризом для неё. Это было не просто усердие — это был методичный, почти фанатичный рывок вперёд, словно он пытался нагнать что-то упущенное за десятилетия или подготовиться к неминуемому штурму.

— Сделай перерыв, — мягко, но настойчиво начала она.

— Благодарю, — пробормотал он, его рука продолжала выводить ровные строчки на полях.

— Тео!

Он наконец поднял голову. Его глаза, обычно такие ясные и сосредоточенные, сейчас казались чуть остекленевшими от долгой фокусировки на мелком шрифте.

— Если я не закончу этот раздел сегодня, к вечеру образуется отставание в восемь академических часов! Его придётся компенсировать за счёт практики стабилизации потоков.

Дженни вздохнула, чувствуя, как её тревога натывается на эту невозмутимую, непробиваемую стену. Как жаль, что профессора Ламберта перевели в западный корпус Гильдии! Он теперь служит в островной части Эйрденна, и до него добраться можно только через портал... Ну или каретой, но это неделя пути, если не больше. Тео всегда прислушивался к профессору, он один из немногих, кто действительно имеет влияние на этого упрямого осла!

— Ты же не железный, Тео.

— Железо тоже подвержено коррозии без должного ухода, это плохой пример, — ответил он, и в его тоне мелькнула тень чего-то, что могло бы сойти за юмор, будь он чуть менее уставшим. — Я предусмотрел перерыв в шестнадцать тридцать.

— Нет, сейчас. Я принесла еду, — она ткнула пальцем в кружку и свёрток.

Тео перевёл взгляд на принесённую провизию, затем обратно на её лицо.

— Пирог с мясом?

— С мясом, луком и чем-то пряным. И бульон.

— Принято, — он аккуратно положил перо. — Десять минут. Этого достаточно для приёма пищи без ущерба для пищеварения и с минимальной потерей рабочего ритма!

— Тео! У меня иногда складывается впечатление, что ты автоматон! Механизм, похожий на человека, слышал про такие? Может, мне следует приносить машинное масло вместо пирогов?

Он с обиженно-упрекающим взглядом посмотрел на неё, откусывая от пирога непропорционально большой кусок, будто нарочито доказывая свою «человечность» этим простым жестом.

— Ты преувеличиваешь, — проговорил он, с трудом прожевая. — Я просто стараюсь не отстать от программы.

— Кого ты хочешь обмануть? — Дженни наклонилась через стол, понизив голос. — Я учусь с тобой на одном курсе! У нас одна и та же программа, а нагрузка у тебя такая, словно ты учишься на семи факультетах одновременно. Ты перечитываешь материал, который мы ещё не проходили, составляешь сравнительные таблицы по старым учебникам...

— И ты снова преувеличиваешь, Джейн, — отрезал он, но глаза его избегали её взгляда, уставившись в пар, поднимающийся от кружки.

— Ты отличник, Тео, один из лучших учеников на потоке. Чего тебе ещё не хватает?

— Нам сегодня к Вандеру. Если повезёт и он начнёт давать нам задания посложнее, чем спугнуть духов-озорников из трубы городской пекарни, мы не сможем учиться в том же темпе, что и в прошлом году. Будет не до учёбы, а отставать нельзя.

— Мы ведь уже и тренировки отменили, — попыталась она возразить, — что тебе ещё надо?

— Мне надо усвоить знания, — бескомпромиссно заявил Флинн, беря в руки ложку и методично принимаясь за суп, как будто и это было частью учебного плана — пункт «приём питательных веществ». — Не просто знать, где что написано в учебнике, а понимать, чтобы в нужный момент не тратить время на вспоминание, а действовать. Автоматически.

Спорить было бесполезно и, чтобы отвлечься, она оглядела сидящих за соседними столиками студентов. Почти все они были с других факультетов, она поняла это по деталям: у двоих за спинами висели полевые сумки с застёжками в виде лап хищных птиц — факультет магической зоологии. Чуть дальше компания в кожаных фартуках, испачканных разноцветными пятнами, азартно спорила над свитком с рецептом — алхимики и зельевары. За другим столом трое в безупречных камзолах с гербовыми нашивками разыгрывали партию в карты с такими лицами, будто решали судьбу посольства, — будущие дипломаты и придворные маги.

Одни читали, другие смеялись, кто-то дремал, подставив лицо тёплому солнцу. Вдалеке, под сенью высокой кадки с пальмой, двое студентов — юноша и девушка в одинаковых тёмно-зелёных мантиях — держались за руки и о чём-то тихо переговаривались, склонившись головами друг к другу. Сердце сжалось странной, сладкой и колющей одновременно болью.

Зная настырность и самоуверенность Тео, который, приняв решение, редко от него отступал, она почти ожидала от него осады. Готовилась держать оборону, отбивать аргументы, стоять на своём — «Два года!» Она выстроила целый форт из условий, за которым, как ей казалось, можно разобраться в своих чувствах.

Но вышло с точностью до наоборот. Осадные орудия молчали. Он... просто отступил, исчез в тишине, в учебниках, в бесконечных схемах алхимических кругов и рунных последовательностях. И теперь осаждённой, запертой в своей же крепости, чувствовала себя она, и ей самой с невероятной, почти физической силой хотелось всё бросить и сдаться. Сорваться с места, схватить его за руку и утащить отсюда — кататься на лодочках по пруду, бродить по набережной в сизых сумерках, когда зажигаются фонари, или просто уехать куда-нибудь на лошадях вдвоём, туда, где не будет ни Гильдии, ни Академии, ни Артура. Хотелось сказать то, что она уже сказала год назад, но сказать по-другому — без оговорок, без отсрочек, просто и ясно.

Но она сидела напротив него, наблюдая, как он доедает суп, и понимала, что это пока невозможно. Она сама установила правила, а он, с его проклятой, безупречной честностью, им следовал. Ждал, молчал, учился...

Любопытно, он читал стихи о любви? Не те, что заставляли зубрить в лицее про подвиги древних героев и благосклонность богинь и богов, а настоящие — про простую, человеческую нежность. Были ли среди них такие, что цепляли его, этого самого рационального из всех людей? Какие строки он мог бы счесть наиболее подходящими своим чувствам? Такие, читая которые, он думал о ней? Писал ли он стихи сам?

— Большое спасибо, Джейн, — доев, довольно сказал Флинн, — ты лучший друг и лучший коллега, которого только можно пожелать.

Дженни, вопреки всему, стало горько и обидно.

— Не за что, — кисло отозвалась она.

Но Тео, казалось, не заметил её тона или решил его проигнорировать. Напротив, сытная еда и короткий перерыв сделали своё дело, он оживился, и даже на его обычно бледных от сосредоточенности щеках появился слабый, здоровый румянец.

— Что ты хочешь на день рождения в этом году, Дженни? — спросил он.

Она хмыкнула — Тео редко называл её «Дженни». Всё же уловил смену настроения и попытался... сгладить напряжение? Перевести разговор в более безопасное русло.

— Я хочу, чтобы ты перестал так надирать, — выпалила она, не думая, прямо глядя ему в глаза.

Он не смутился, а наоборот, засмеялся коротким, тёплым смехом.

— Ну нет, — покачал он головой, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на заботливую снисходительность. — Выбери лучше что-нибудь реалистичное. Шпильки для волос, может быть? Или брошь из той лавки у музея? Я видел, ты смотрела на витрину в прошлый раз.

И этот жест, этот «реальный» подарок из категории «милых безделушек для милой девушки», добил её окончательно, она снова почувствовала себя уязвлённой, причём самым нелепым образом. Что она для него теперь? Нечто вроде глупенькой девчонки, которая существует только для того, чтобы подать суп? А на радостях, что он всё-таки поддался на уговоры и поел, она сбегает себе за шпилькой в лавку? Утешительный приз за хорошее поведение и вовремя поданный обед?

— Шпильки, — повторила она без интонации. — Буду себя украшать, пока ты вычисляешь коэффициент полезного действия нашего следующего поручения. Или общения.

Она встала, подхватила пустую кружку и смятый пергамент.

— Ладно, коллега, не буду мешать рабочему ритму, увидимся у Вандера.

Джейн неслась по коридорам Академии, едва не сбивая с ног замешкавшихся первокурсников. Она ругала себя за вспыльчивость, за эту детскую обиду, которая вырвалась наружу, но, видят боги, Тео иногда был просто невыносим!

В прошлом году, на её восемнадцатилетие, он подарил ей браслет. Искусной работы, дорогой, безупречного вкуса. С русалками, плавающими в серебряных волнах. И Дженни едва не расплакалась прямо за праздничным столом, на глазах у матери, Артура, Инес и Лео. Пришлось прикусить губу и не подавать виду... Иначе как бы она это объяснила всем? «Теодор подарил мне не то!» Звучало бы как каприз избалованной дуры.

Он, конечно, потом сказал, что браслет был куплен до их поездки к русалкам, потому что Флинн предполагал, что это станет заключительным заданием, после которого их зачислят в адепты. С этой стороны да, подарок был замечательным — знаменовал начало их профессионального пути, победу над всеми препятствиями.

Но как? Как он мог не понимать, что для неё русалки не символ победы, а источник самой жгучей, иррациональной боли? Их соблазнительные «танцы» вокруг него, его замороженный, отрешённый взгляд. Тот ужас, когда она поняла, что он всерьёз колеблется, слушая их уговоры! То, как одна из них, самая дерзкая, поцеловала его, и он не отпрянул сразу. И эта корона из ракушек и кораллов, которую они водрузили на него, как на своего нового царя... Он ведь оставил себе на память одну из тех ракушек! Хранил её как трофей.

И, после всего этого, подарить ей, которая призналась ему в любви, браслет с изображением этих скользких, легкомысленных, опасных существ? Это было словно удар ножом по сердцу, он видел в том приключении только профессиональную веху, а для неё это был самый болезненный урок страха и ревности.

Она остановилась, прислонившись лбом к прохладному камню арки, ведущей в один из открытых дворов Академии. За ажурной каменной кладкой клубился осенний туман, завлакивая силуэты дальних башен, скульптур и ветви деревьев.

Очень похоже на то, что Флинн и правда был автоматом. Существом, у которого вместо сердца безупречно отлаженный механизм, способный рассчитать траекторию магического импульса, но неспособный почувствовать, какую рану может нанести серебряная безделушка. Или... или он чувствовал, но его чувства были упакованы в такой прочный футляр из логики и рациональности, что даже он сам не мог до них добраться?

Ну что ж, теперь он хотя бы спрашивал её заранее, чего бы ей хотелось на день рождения. Вечером во дворе Гильдии она остановила его.

— Прости, что вспылила сегодня. Я просто волнуюсь за тебя.

— Всё нормально, — ободряюще ответил он. — Я понимаю и благодарен. Но я в порядке, Джейн, честно.

Дженни решила промолчать, чтобы не затевать новую ссору, и они отправились в кабинет Вандера.

Когда они вошли в зал Оперативного корпуса, Дженни сразу заметила, как несколько адептов, стоявших у доски объявлений, переглянулись, быстро и многозначительно. За спинами послышался шепот. Дженни спешно, но как бы невзначай оглядела себя и Тео — всё было нормально.

Генри Грейфокс, выходящий из кабинета Отдела Экзорцизма слегка сбавил шаг, когда увидел Тео и Дженни, но прошёл мимо, не поздоровавшись.

Это было странно, Дженни почувствовала себя ужасно неуютно, она физически ощущала на себе неприязненные взгляды. Видела, как довольно улыбнулся Форстер, заметив пренебрежение Грейфокса. Но что произошло? С Роландом Форстером то они всегда ладили, особенно Тео.

— Я предупредил твоего брата, — сказал Тео, кажется, не заметивший ни переглядываний, ни грубости Грейфокса, — что теперь мы сами будем связываться с миссис Картер в тех случаях, когда нам нужна будет компаньонка. Сегодня нас будет сопровождать Талиесин, я с ним уже договорился.

— Хорошо, — отозвалась Дженни.

— Теодор, адепт Блэквуд! — к ним на всех парах, широко улыбаясь, неслась Элисон Твилли.

Джейн должна была бы обрадоваться в ответ, особенно после холодного приёма других адептов, но боги милостивые, что это ещё за приветствие? Она «адепт Блэквуд», а Тео, видите ли, «Теодор»? Пришлось всё же учтиво поздороваться.

Твилли, с тех пор как Джейн её видела в последний раз, стала как будто ещё привлекательнее — рыжие косы теперь почти достигали колен, голубые глаза светились радостью и озорством. Твилли совсем не шло быть адептом, она вполне могла бы стать актрисой или танцовщицей и имела бы огромный успех. Это было не только мнение Джейн, она часто слышала, как девушки-адепты за спиной Твилли восхищённо вздыхали и рассуждали, что такой грациозной и эффектной даме место в королевском театре.

— Здравствуй, Твилли. Добрый вечер, Крэйг.

За Твилли, словно незаметный в её тени, плелся Алан Крэйг. Он кивнул Тео и Дженни, но смотрел не на них, а в сторону, словно ждал, когда Элисон наобщается и можно будет уйти.

— Как я рада снова видеть вас в Гильдии! — Твилли хлопнула в ладоши и приложила пальцы к губам, скрывая улыбку, которая становилась всё шире. — И Хьюз будет счастлив — наконец-то Вандер будет кричать не только на него!

Джейн и Тео рассмеялись. В их отделе служило семь человек: магистр Вандер — начальник, ещё три магистра под его руководством, с которыми Дженни почти никогда не пересекалась, и три адепта — Эмрис Хьюз и они, Блэквуд и Флинн. На магистров Вандер не повышал голос. Как правило...

— Что ж, нам пора к Вандеру. Увидимся.

Твилли улыбнулась и помахала им рукой, а вот Крэйг никак не отреагировал, просто отвернулся и направился к выходу. Джейн и Тео поспешили к начальнику.

Кабинет магистра был таким же аскетичным, как и всегда, ничего лишнего: неприметный камин, стол, заваленный аккуратными стопками отчётов, стеллажи с фолиантами в одинаковых тёмных переплётах, на стене — карта королевства, испещрённая значками и булавками.

Вандер стоял у карты спиной к ним, когда они вошли, и обернулся не сразу.

— На новой королевской дороге, в двух часах езды к востоку от Лисмора, появился камень, — начал он без приветствий.

Будто и не было этого года перерыва и они только вчера отчитались о деле аббатства Луны и Зеркала.

— Дорога стратегическая, связывает столицу с портами Белого Залива. Камня там раньше не было. По описаниям извозчиков — размером с карету, неестественно гладкий. Местные и путники полагают, что это тролль.

Магистр развернулся.

— Тролли, как вам должно быть известно, с наступлением темноты обретают подвижность. Но этот не сдвинулся с места за последние три дня, что для тролля ненормально. Дорога проходит вдали от деревень, ночью там некому и незачем бывать. Проверить, что происходит, попросту никто не может.

Он протянул Тео лист с поручением.

— Езжайте немедленно. Талиесин уже ждёт вас у кареты во внутреннем дворе. Это задание класса «А». Протокол диагностики и, в случае подтверждения угрозы, нейтрализации. Хотя ему, скорее всего, просто нужна помощь. Всё необходимое оборудование в карете. Не подведите. Увольнение из Гильдии будет наименьшей из ваших проблем, если вы сгруппируете на пустынной дороге с разгневанным троллем. Вопросы?

Вопросов не было.

— Идите, покажите, чему вы научились. Или подтвердите, что я зря потратил на вас время.

Тео и Джейн направились к Тали и, едва дверь кареты захлопнулась за ними, пространство наполнилось весёлой болтовнёй.

— Вы даже не представляете, как я рад вас видеть в Гильдии! — Талиесин, усевшись на сиденье напротив, сиял, как фонарь в ночи. Его тёмные волосы, выбивающиеся из-под капюшона гильдейского плаща, казалось, пришли в движение от энергии, переполнявшей фюкку. — Целый год! Я так по вам соскучился!

Карета тронулась, выезжая из ворот Гильдии на шумные улицы Лисмора.

Тали болтал без умолку, перескакивая с одной истории на другую: про то, как чуть не увяз в болоте, преследуя блуждающий огонёк, оказавшийся просто светлячком-переростком; про драку двух домовых на кухне таверны из-за рецепта соуса; про то, как его самого чуть не приняли за призрака в архиве, потому что он заснул на стопке налоговых отчётов двухсотлетней давности.

Дженни слушала, улыбаясь, задавала вопросы, она сама так скучала по всему этому! По Тали и его абсурдным историям, по Гильдии, даже по Вандеру.

Тео же сидел молча. Джейн не сомневалась, он уже мысленно проверял содержимое сумок в карете, строил план действий по прибытии, рассчитывал расстояние для наблюдения. Мир за окном кареты и весёлый голос Тали были для него лишь фоном, шумом, который надо отсечь, чтобы сфокусироваться на задаче. Его лицо было спокойным, но в уголках губ залегла привычная напряжённая складка, и Дженни поймала себя на мысли, что по такому Флинну она тоже соскучилась. Поймав её взгляд, Тали усмехнулся.

Карета остановилась на обочине новой дороги, в добрых пятнадцати минутах ходьбы от указанного места.

— Далее не рискну, господа, — сказал кучер, нервно поглядывая вперёд, где дорога уходила в лёгкую, едва заметную ложбину.

И, взяв снаряжение, они двинулись пешком по краю дороги.

Здесь не было густого леса, как в преддверии столицы — только редкие, чахлые сосны да пожухлые заросли колючего кустарника по сторонам от насыпи. Пространство было открытым,

продуваемым всеми ветрами, воздух, чистый и холодный, пах не прелой листвой, а полынью, пылью и далёкой солёной свежестью с моря. Бледное осеннее солнце лилось на широкую, идеально прямую ленту дороги.

И посреди этого пути лежал Он, валун. Не просто большой, а циклопический, на его плоской, неестественно гладкой поверхности могла бы разместиться для пикника целая семья. Он лежал прямо по центру дороги, будто его с небрежностью швырнули с небес, перечёркивая все труды инженеров и строителей.

Тали присвистнул, замеряя взглядом исполина. Тео сбросил с плеча сумку с инструментами и начал действовать: достал маятник из горного хрусталя и сделал медленный обход, следя за хаотичными рывками. Его взгляд скользил по земле вокруг валуна, выискивая вмятины, обломанные ветки, любые следы появления или движения; пальцы то и дело щёлкали, запуская простейшие диагностические чары — поиск остаточной магии, враждебных чар, ловушек.

Джейн же стояла на месте, не сводя глаз с камня. Подойдя ближе, она, вопреки всякому здравому смыслу и, наверное, протоколу, медленно протянула руку и приложила ладонь к холодной поверхности.

Под пальцами была не просто шероховатость гранита, это было... напряжение... Как если бы внутри камня была туго сжатая стальная пружина, готовая в любой момент распрямиться с разрушительной силой. Не злоба, не агрессия, не сон, а сосредоточенное, мучительное усилие.

Она отдернула руку, будто обожглась, и обернулась к остальным. Тео, закончив обход, смотрел на неё с немым вопросом.

— Он не спит, — сказала Джейн. Её голос прозвучал странно громко в звенящей тишине открытого пространства. — Не болен и не ранен.

Они устроились на складных походных стульях в пяти шагах от валуна, под сенью одинокой низкорослой сосны. Тео разложил на колене карту, сверил время по дорожным часам.

— Солнце сядет через час и пятнадцать минут, — констатировал он. — Если это тролль, он должен проявить активность в течение получаса после наступления полной темноты. Протокол предписывает наблюдение с безопасного расстояния до проявления агрессии или иных...

Его речь прервал глухой, низкий скрежет, похожий на то, как огромные каменные жернова начинают медленно поворачиваться. Все трое вздрогнули. Тали едва не уронил фляжку с водой.

Валун пошевелился, гладкий камень поплыл, исказился, как отражение в воде, и из него начали проступать очертания. Сперва появилась голова — огромная, похожая на грубо обтёсанную глыбу известняка, с глубоко посаженными, мудрыми и усталыми глазами, светившимися изнутри мягким, землистым светом. Потом обозначились мощные, покатые плечи, часть груди. Но ниже груди так и остался камень.

Тролль. Его кожа была покрыта тончайшей сетью прожилок, похожих на лишайник, а из расщелин на плечах росли пучки сухой травы. Но самое поразительное было в выражении его лица: ни тени злобы или угрозы. Напротив, его широкий, грубый рот растянулся в такой радостной, искренней и немного виноватой улыбке, что Дженни невольно ахнула.

— О-о-о! — прогремел низкий, гулкий голос, будто раздавшийся из самой глубины холма. Звук был не гневным, а облегчённым. — Наконец-то! Я так и знал, что вы приедете! Ждал, думал, вчера будете, но, видно, дороги новые, заплутали, а?

Он говорил медленно, слова слегка растягивая, но интонация была простецкой, почти дружеской. Его светящиеся глаза осмотрели их по очереди.

— Ну что стоите как пни? — тролль будто усмехнулся, и от этого по его каменной щеке пробежала глубокая трещина-морщина. — Из Гильдии, да? Сразу видать, у вас эта... серьёзность на лбу написана. Как у моего деда, когда он рыбёшек пересчитывал, чтоб мы с братом

лишнего не сожрали. Очень рад вас видеть, честное слово, а то я тут уже третий день лежу, как этот самый ваш валун. Скучно, знаете ли, и не по себе.

Тео резко встал, отбросив карту на стул.

— Да, господин тролль. Позвольте представиться — я Теодор Флинн, адепт Гильдии Магии. Это мои напарники — адепт Джейн Блэквуд и адепт Талиесин Эштон, к вашим услугам, мистер.?

— Да бросьте! Можно без мистеров и без господинов! Зовите меня попросту — Падди. По правде меня не так зовут, но такое имя мне дали мальчишки из соседней деревушки, я с ними играю иногда. И мне очень уж оно понравилось! Звучное и тёплое.

— Падди, что у вас стряслось? — Джейн тоже встала и подошла поближе, Тео рядом предупредительно кашлянул.

— А дело-то, молодые люди, вот какое, — вздохнул Падди, и его каменные плечи будто бы поскрипывали под тяжестью этого вздоха. — Я, проходил как-то мимо, в деревню направлялся, знакомых повидать. Смотрю — дорогу проложили, новую, широкую, красота! Подошёл и чую, что-то не то...

Его каменное лицо, казалось, потемнело.

— Недоброе что-то, враждебное, прямо тут, под самой дорогой, затаилось. Не знаю, что именно, дух ли, тварь какая подземная или заклятье древнее. Как ветер перед бурей пахнет, чутьё у нас, у троллей, на такое верное. Оно там сидело, притаившись, а теперь... будто шевелиться начало, просыпаться.

Падди умолк на мгновение.

— Испугался я, признаться. Не за себя — сам-то я крепкий, а за тех, кто по дороге этой поедет, мало ли что вылезет? Решил — надо попридержаться на всякий случай, унять это... чем бы оно ни было. Пока не разберутся умные головы из Гильдии. Принял форму валуна — так мне магия легче даётся — думал, на сутки, от силы на двое... Ан нет, не тут-то было, как только я налег, оно не рассеялось, а наоборот, в ответ упёрлось! И не просто упёрлось, стало накапливаться, как нарыв под кожей.

Он с надеждой посмотрел на них.

— Потому и сижу тут третьи сутки. И письма не отправишь, и с места не сойти. Одно утешение — люди меня быстро заметили, я так и знал, что вы приедете! Ну? Что делать будем?

Глава 3. Тео. «Ответственность»

— Может, — спросил Талиесин, — стоит его... поддержать? Заклятьем каким?

— Поддержка — запоздалая мера, — возразил Теодор. — Мы не знаем, что он сдерживает. Усиливая один элемент системы, мы можем нарушить хрупкий баланс и разозлить что-то под землёй. Первый шаг — диагностика. Падди, — он обратился к троллю, глядя прямо в его светящиеся глаза, — вам нужно оставаться в точности в том же положении и с тем же усилием, ни больше ни меньше. Мы установим периметр и проведём замеры. Джейн, разворачивай набор для дистанционного сканирования. Талиесин, обойди периметр на дистанции пятидесяти шагов, ищи аномалии в растительности, почве, воздухе.

Он уже поворачивался к своим сумкам, его пальцы автоматически искали футляр с кристаллами-маятниками и фиксаторами. Но нет, дело слишком серьёзное, риск недопустим! Дженни явно симпатизирует троллю, она будет действовать интуитивно и полагаясь на свои эмоции. Как, впрочем, и всегда. Тали сочувствует ему как дух духу... вовлечённость перевесит профессионализм. Кажется, только он один отдавал себе полный отчёт, с кем они имеют дело. «Добродушный тролль» — это оксюморон, существо с силой, способной сдерживать подземную угрозу, само по себе было фактором непредсказуемой опасности. А Падди ещё и был магически одарён, раз мог являться людям до захода солнца. И не только сейчас, он ведь сам сказал, что играет с детьми из деревни... Не ночами же, в самом деле. На такое способны не все тролли, Падди явно силён.

Рука, тянувшаяся к сумке, замерла, он выпрямился, и решение созрело, кристаллизовавшись в безупречный план.

— Нет, давайте по-другому, — произнёс он, и его голос приобрёл металлический, не допускающий возражений оттенок. — Диагностический набор разверну я сам. И аномалии поищу. Более того, я сразу возьму порошок и начерчу пару алхимических кругов.

Троль, Джейн и Тали уставились на него с одинаковым выражением полнейшего недоумения на трёх совершенно разных лицах.

— Погоди-ка, — Талиесин опомнился первый, — а мы тут для чего тогда, Флинн? Для антуража? Чтобы постоять красивыми?

— Ваша задача, — отрезал Тео, уже вытаскивая свой безупречно укомплектованный набор. Хорошо, что в Гильдию они пошли, прихватив собственные инструменты, — общаться с Падди, отвлечь, развлечь. Ему пришлось нелегко, поддержка морального состояния сдерживающего фактора тоже входит в протокол работы с магическими существами. Займите его беседой, расспросите о... о чём угодно. О погоде, о мальчишках из деревни. Главное, чтобы он не фокусировался на напряжении и не делал резких движений.

Он даже не взглянул на Джейн, у него не было на это времени. Самый эффективный способ борьбы с неизвестной угрозой — взять всю техническую, рискованную часть на себя. Пусть они думают, что он их отстраняет, на самом деле он их страхует. От самих себя, от ситуации, от последствий. Лучше он всё сделает сам, не отвлекаясь на других и не переживая об их промахах.

Троль наблюдал за его лихорадочными приготовлениями, и в его светящихся глазах мелькнуло нечто среднее между недоумением и отеческой заботой.

— Ты бы это, парень, — проскрипел Падди своим каменным басом, покачивая массивной головой, — полегче, а? Много на себя не взваливай, так и треснуть можно.

Талиесин не сдержал короткий, сдавленный смешок, тут же прикрыв рот ладонью. Джейн же не засмеялась, её глаза чуть блестели в скупом свете заходящего солнца, губы сжались в тонкую линию. И Теодору, совершенно неожиданно и вопреки всякой логике, показалось, что она вот-вот заплачет.

«Что за вздор», — мгновенно возразил он сам себе, ощущая странный, неприятный спазм где-то под рёбрами. — «Джейн хороший работник, надёжный коллега. Это всё нервы, усталость от дороги и непривычной ответственности. Он не мог позволить себе отвлекаться на такие глупости.»

— «Треснуть» можно от неверно рассчитанной нагрузки, — ответил он троллю голосом, лишённым всяких интонаций, продолжая раскладывать инструменты. — А её расчёт — моя обязанность. Ваша задача не двигаться, их задача, — он кивком указал на Джейн и Тали, всё ещё избегая смотреть ей в глаза, — выполнять указания. Талиесин, ты слышал. Джейн, — наконец он бросил на неё короткий, острый взгляд, в котором читался не упрёк, а требование к профессиональному поведению, — начинайте беседу, расспросите о... о составе местной глины. Для картографов Гильдии эта информация может быть полезна.

Приготовление и диагностика заняли не более получаса. На земле перед каменным торсом Падди лежал сложный алхимический круг, выведенный серебряным порошком с вкраплениями измельчённого кварца для ясности. Кристаллы-фиксаторы волшебства заняли свои позиции по периметру схемы. Теодор выпрямился, отряхнул руки, его лицо было бледным от концентрации, но абсолютно спокойным.

Дженни подошла ближе, осторожно, чтобы не задеть линии.

— Тео... Что теперь?

— Будь готова. Если я скажу «защищай» — ты защищаешь Падди. Щитом, отвлекающей иллюзией, чем угодно. Если скажу «атакуй» — атакуешь то, что появится. Понятно?

Она не спорила, не задавала вопросов. Просто кивнула.

— Хорошо, — сказал он, больше себе, чем ей. — Падди, по моему сигналу — ослабьте давление.

— Постараюсь, парень, — проскрипел тролль, и в его голосе впервые прозвучало напряжение.

Теодор закрыл глаза, сделав последний, глубокий вдох, отсекая всё лишнее: тревогу, усталость, образ расстроенного лица Джейн.

Он начал заклинание. Монотонный, ритмичный поток слов на древнем наречии, который даже звучал не как магия, а как чтение сложной технической инструкции. Но с каждым словом алхимический круг под его ногами вспыхивал ярче.

И тогда из земли, прямо из-под центра дороги, перед каменной грудой Падди, стало подниматься оно.

Это был не демон, не злой дух и не призрак в человеческом облике. Клубящееся марево из света и теней, в которых мелькали обрывки образов: частокол из острых кольев, контуры давно сгнивших стен, отблеск костров на лицах, которых не было уже сотни лет... дух кургана.

Флинн читал о таких: духи курганов не знали ненависти, только долг. Они были стражами, а не хищниками, их ярость просыпалась лишь тогда, когда кто-то тревожил то, что должно было оставаться нетронутым.

Джейн и Теодор, будто сговорившись, синхронно произнесли короткое заклинание — простейший ритуал на понимание речи древних духов, — одно из первых, выученных в Академии.

— Я, Теодор Флинн, адепт Гильдии Магии, прошу прощения у Духа Места за то, что потревожил твой покой, но твой сон был нарушен не нами. Новой дорогой, что легла поверх твоего... упокоения, я прав?

Из клубящегося марева донеслось эхо, сплетённое из сотен голосов и звуков. Не один, а многие: старческий шёпот и твёрдый окрик командира, плач ребёнка и песня у очага, скрип ворот и звон кузнечного молота. Они сливались в единый многоголосый хор: «Сторожу. Град. Покой. Обязан. Мой долг».

— Тот град, что ты сторожил, давно перестал существовать, люди ушли. Они живут теперь в иных селениях, городах, в столице, прошли века.

В мареве случилось движение, похожее на замешательство, дух не понимал — его долг был вечен, незыблем.

И тут в диалог вступила Джейн. Она сделала шаг вперёд, её голос, обычно такой звонкий, теперь звучал низко и ясно, врезаясь в многоголосый гул духа.

— Ты сторожил свой город, — сказала она, глядя прямо в клубящееся марево, — и делал это до самого конца, но его время прошло. Посмотри вокруг — не поселение, а дорога, вслушайся — не суматоха, а движение: это караваны везут хлеб в порт, гонцы скачут с донесениями для короля. Эта дорога соединяет далёкие берега с сердцем королевства, она новая и она беззащитна, у неё нет своего стража.

Теодор подхватил без паузы.

— Твой долг — охранять, это не изменилось, изменился лишь объект охраны. Тот град рассыпался в прах, но люди, потомки тех, кто жил здесь, живут теперь в других местах, и их благополучие зависит от этой дороги. Перенаправь свою клятву, прими под свою защиту этот путь, стань духом-хранителем не памяти о городе, а артерии живого королевства. Это будет не отказ от долга, — его голос зазвучал почти торжественно, — а его высшее исполнение. Это дело великой чести.

Дух замер. Образы старого частокола дрогнули, смешались с видением бегущей по равнине дороги. Вековая клятва нашла новую цель. Марев из глины и тени вдруг ярко вспыхнуло, сжалось в плотный, тёплый сгусток света и мягко вросло в полотно дороги под их ногами. Теперь здесь, в каждом камне насыпи, спала не слепая сила прошлого, а верный страж, принявший новую присягу.

— Фу-у-х, — громкий, раскатистый вздох облегчения раздался сзади.

Падди медленно, с гулом перемалываемых камешков, поднялся. Его каменная форма потекла, оседая, и вот уже на дороге стоял обычный, пусть и огромный, тролль. Он потянулся, растирая ладонями размером с ведро свои онемевшие массивные плечи.

— Ну надо же, — проскрипел он, широко улыбаясь. — Я тут трое суток как истукан валялся, а вы, глядь, и управились за час! Ловко! Ха!

Они тепло, почти по-дружески распрощались с Падди, тролль пообещал как-нибудь заглянуть в город — «посмотреть на огни, только издалека, чтоб не пугать там никого» — и неспешно зашагал в сторону холмов, сливаясь с ночным рельефом.

Обратный путь в карете прошёл в сонной тишине. Талиесин пару раз попытался оживить беседу, но его весёлые реплики разбивались о молчание напарников.

Когда прибыли в Лисмор, было уже за полночь. Улицы пустынные, лишь редкие магические фонари бросали на мостовую одинокие лужицы света.

— Провожу тебя, — предложил Талиесин Джейн, когда карета остановилась у площади недалеко от их домов.

— Спасибо, — сказала она, не глядя на Теодора.

— Флинн? — Тали обернулся.

— Я хочу пройтись в одиночестве, — коротко бросил он. — Спокойной ночи.

Тали и Дженни ушли, он остался стоять на пустынной площади, чувствуя, как ночной холод пробирается под камзол. Всё было сделано правильно, почему же тогда внутри оставался неприятный, едкий осадок, похожий на привкус от вынужденной лжи?

Теодор медленно пошёл по направлению к своему дому и разбирал ситуацию на составляющие. Джейн фактически не поучаствовала в этом деле. А ведь это первое поручение после более чем годичного отсутствия в гильдии. Она наверняка обиделась.

Он, кажется, действительно не прав. Ничего, он извинится и пообещает, что на следующем задании даст ей больше свободы действий!

Но наутро в кабинете Вандера атмосфера была совсем иной: магистр, выслушав безупречный отчёт Теодора, обратился к Джейн. Они оба уже были одеты в мантии Академии — после доклада магистру нужно было спешить на лекцию.

— Блэквуд, — сказал Вандер так требовательно, словно вызвал её к доске на уроке, — мне интересно твоё дополнение к отчёту. Всё прошло гладко? Действовали слаженно?

Дженни стояла прямо, подбородок чуть приподнял.

— Да, магистр, — голос прозвучал чётко, без единой запинки. — Всё прошло в строгом соответствии с протоколом для угроз класса «А». Причина присутствия тролля выяснена, дух-хранитель был идентифицирован, вступление в контакт прошло успешно, угроза нейтрализована методом дипломатического перенаправления. Троль освобождён. Командная работа была эффективной.

— Принято. Флинн, твоя тактика сдерживания и диагностики была приемлема. Блэквуд, твоё умение найти верный тон в переговорах с нестандартной сущностью — отмечено. Считайте, что испытательный срок после перерыва пройден. Ожидайте новых назначений. Свободны.

Они вышли в коридор.

— Мне нужно составить письменный отчёт, — сказал Теодор. — Подождёшь меня?

И они направились в зал Оперативного корпуса. В Гильдии служило около сорока адептов, и почти все они заполняли отчёты именно здесь — в общем зале, где по кругу стояли двадцать пять длинных столов. Столы не были закреплены ни за кем официально, но, из соображений удобства, их, как правило, занимали одни и те же люди. Тео облюбовал тот, что находился ближе всего к кабинету начальника.

Он машинально свернул к своему столу, чтобы забрать футляр с перьями и карандашами, который оставил вчера. Но на столе его не было. Чернильница тоже исчезла. Он нашёл её через минуту — на дальнем, беспорядочно заставленном столе, куда обычно складывали забытые или ненужные вещи.

Это было необычно: чужие вещи никогда не трогали без разрешения, даже переставленная на дальний стол чернильница — нонсенс. В прошлом году он преспокойно оставлял здесь свои инструменты, иногда и более дорогие, и никто их не то что не убирал, даже не отодвигал. Они каждый раз лежали ровно там, где он их оставил.

Нахмурившись и сев на стул, Флинн порадовался, что у него с собой всё необходимое. Но что бы он делал, придя в Гильдию в свободный от Академии день? Просил бы окружающих одолжить ему перо? Бред.

Порывшись в сумке, Теодор приступил к написанию отчёта. Дженни тем временем болтала с Дэйзи Маккинли и Мерedit Тregaron.

Пока он раскладывал бумаги, мимо прошёл Роланд Форстер. Обычно тот неизменно занимал место рядом — болтал без умолку, мешал сосредоточиться, и Тео нередко просил Дженни составить отчёт за него, если видел, что Роланд уже за их общим столом. Но сегодня Форстер даже не взглянул в их сторону, он прошёл мимо и сел к Линчу, хотя за тем столом он никогда раньше не работал.

Вместо Форстера к Флинну подсел Хьюз. Он улыбнулся слишком широко и сказал слишком бодро:

— Как хорошо, что вы снова в Гильдии, Флинн!

Теодор поднял взгляд, улыбка Хьюза дрогнула, и в глазах... как будто отражалось беспокойство, а не радость от встречи.

И Твилли вчера, и Тали... Так же с преувеличенным восторгом сказали: «Как хорошо, что вы снова в Гильдии!»... Они, конечно, сами по себе были эмоциональными и открытыми, но Теодор не прекращал с ними общения! Они были друзьями, он видел их не только на работе. Ему ещё вчера эта радость от встречи показалась несколько наигранной, а теперь ещё и Хьюз,

ещё и почти теми же словами... К тому же на фоне пропавшего футляра и игнорирующего Теодора Форстера.

— Спасибо, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Он убрал бумаги в папку, поднялся, и в этот момент Дженни уже оказалась рядом, лёгким движением перехватив его за локоть.

— Флинн, если мы сейчас не выйдем, опоздаем на лекцию, — сказала она с той деловой решительностью, которая всегда сбивала его с внутреннего ритма. — Пошли.

Уже во дворе Гильдии Теодор обратился к Дженни, вспомнив о том, что нужно бы наконец произнести заготовленные за ночь слова.

— Джейн, насчёт вчерашнего поручения...

— Да? — она вскинула брови в искреннем, неподдельном недоумении. Её глаза, широко распахнутые, смотрели на него без тени обиды или холодности, которые он ожидал увидеть. — Ты чем-то недоволен? Хочешь отработать ещё несколько совместных связок? Или что-то с инструментами? Вроде всё было в порядке, я сто раз проверила перед тем, как мы вышли из кареты!

Она говорила быстро, с лёгкой тревогой в голосе, будто лихорадочно перебирала в голове возможные промахи.

— Нет, нет, — поспешно перебил он её. — Я хотел...

Дженни лучезарно улыбнулась, и всё её лицо озарилось облегчением и внезапным пониманием.

— А-а-а! Так ты хочешь поблагодарить меня, Флинн? — сказала она, и в её голосе прозвучал лёгкий, едва уловимый намёк на игривость.

Тео почувствовал себя растерянным. Ну нет, вести подобные беседы прямо здесь, на виду у всей Гильдии, они точно не будут!

— Да. Спасибо, — торопливо, почти сбивчиво выдавил он, ощущая, как по щекам разливается предательский жар. — Идём в Академию! Что у нас первой лекцией сегодня?

Он резко развернулся и зашагал вперёд. Где-то позади он услышал её сдержанный смех и быстрые шаги, и странное, щемящее облегчение смешалось в нём с новой порцией полнейшей растерянности. Она не отдалилась и, кажется, даже не поняла, за что он пытался извиняться. Всё было в порядке, похоже, он зря накручивал себя.

Но её простой вопрос — «Ты хочешь поблагодарить меня?» — прозвучал как отмычка, сорвавшая сложный внутренний замок, который он так тщательно запирает каждое утро.

Когда он согласился на её условие — ждать два года, два года быть только друзьями — ему казалось, что справиться будет легко. Её требование выглядело благоразумным и достойным похвалы, он был готов на аскетичный подвиг: отодвинуть любовь на второй план, выдвинув вперёд дружбу, партнёрство, совместную работу. Джейн права, они слишком юны.

Но как же это оказалось невыносимо тяжело! Это была не дисциплина, а ежедневная пытка, ему хотелось танцевать с ней на всех балах до самого рассвета, чувствуя, как её рука лежит на его плече. Смотреть в её глаза, не отрываясь, не боясь, что этот взгляд выдаст слишком много. Дать себе волю говорить с другими на тему, которая занимала его мысли целиком, — Дженни Блэквуд. Но он молчал. Сжимал челюсти, отводил взгляд, менял тему.

Вчера она в сердцах назвала его «автоматомом», и всё же сегодня утром не отдалилась, улыбалась, шутила, была рядом. От осознания этого в груди вспыхивало запретное ликование.

Но тут же, как ледяной душ, накатывала осторожность. Нельзя давать этому чувству слишком много места, нельзя расслабляться, иначе он не сдержит слова. И тогда, ослеплённый надеждой, начнёт упрашивать, доказывать, умолять её принять его любовь сейчас. А она, с её добрым сердцем и мягкостью по отношению к тем, кого пустила в свой круг, может и поддаться. Из жалости, из нежелания причинять боль, из минутной слабости.

Но что, если потом она пожалеет? Что, если поймёт, что её уговорили, и её собственное, первоначальное решение было верным? Нет, рисковать её будущим счастьем — и их дружбой — он не мог. Нужно было выдержать весь срок, до последнего дня. Чтобы, когда два года истекут, она могла быть абсолютно убеждена — в его верности, в силе его чувств, в том, что это его свободный и осознанный выбор. Даже если каждое утро начиналось с одного и того же титанического усилия — прожить день, не задержав на ней взгляд дольше, чем позволено.

Аудитория, в которой проходили занятия по «Рунической магии» была одной из любимых у Теодора, самой светлой и одной из самых просторных в Академии. Солнечные лучи, прорезавшие высокие, почти до потолка, заострённые окна, подсвечивали мириады пылинок, танцующих в воздухе. На стенах вместо картин висели огромные, пожелтевшие от времени рунические плакаты — схемы взаимодействия символов.

Студенты неспешно рассаживались, перешёптываясь. Теодор автоматически направился к первому ряду, откуда лучше всего видно доску и профессора. Он положил на парту блокнот, достал перо.

И тут он почувствовал, как воздух рядом с ним наполнился знакомым, сбивающим с толку фруктовым ароматом. Джейн села рядом. Прямо на соседнее место, так близко, что рукавом своего платья она почти касалась его рукава.

Он сделал вид, что проверяет острие пера, нуждаясь в движении, чтобы скрыть внезапную скованность в плечах. Это ничего особенного не значит...

В прошлом году она старалась сесть подальше, предпочитая задние ряды. Он понимал почему: Теодор всегда привлекал внимание профессоров, задавая уточняющие вопросы, участвуя в дискуссиях, рядом с ним филонить не получалось. Он, оборачиваясь на задние парты, нередко замечал, как Дженни почти дремлет, невидяще уставившись на доску или рисует в блокноте что-то, совершенно точно не относящееся к лекции. Он иногда видел её милые и достаточно хорошие стилизованные зарисовки — пышущих огнём дракончиков, ветви цветущего жасмина, завитки узоров и даже карикатуры на некоторых профессоров. Теодор был уверен, что где-то на страницах её блокнота есть карикатуры и на него самого. В лицейские времена наверняка были, надо бы её об этом спросить.

Может, сегодня другие, дальние места были заняты? Или, что маловероятно, но всё-таки, в ней проснулся интерес к рунной магии?

Он уставился на пустую доску, пытаясь силой воли перенаправить всё внимание на ожидание лекции, но его разум отказывался подчиняться. Он был заперт в клетке из собственных обещаний, а ключ — лёгкое, нечаянное прикосновение её плеча к его — так близко, что от мысли о нём перехватывало дыхание. Оставался год. Триста шестьдесят пять дней таких же титанических усилий, и сегодняшнее, первое после утренней растерянности, казалось самым трудным. Потому что оно требовало не просто не замечать, оно требовало не чувствовать. А это, как он с ужасом понимал, было выше его сил.

Наконец, прервав его мучения, вошла профессор Виндхолл. Она появилась почти незаметно, словно проявилась из самого воздуха аудитории, из пыльных солнечных лучей. Профессор остановилась перед кафедрой, её фигура в мантии серого цвета казалась незыблемой и авторитетной. В руках она держала свой неизменный инструмент — тонкую палочку из светлого дерева.

И Теодор, как и всегда, не мог отвести от неё критического взгляда. Эйра Виндхолл вела у них руническую магию уже год, и он всё ещё не понимал этой её приверженности архаике. В современной магии палочки, как и громоздкие посохи, считались пережитком, музейной диковинкой. Ещё лет сто назад их использовали повсеместно, но магическая наука шагнула далеко вперёд, заклинания давно уже творили иначе: вербальными формулами, точными жестами пальцев, алхимическими порошками или графическими материалами. Зачем цепляться за деревяшку?

Но, наблюдая за работой профессора, Теодор вынужден был отдать должное, это был стиль, идеально подходящий ей. Палочка была не источником силы, а словно её продолжением, инструментом невиданной точности, с помощью которого она не «метала» заклятия, а выписывала их в воздухе, как художник-каллиграф выводит идеальный иероглиф тушью.

— Приветствую вас, второй курс «Изгоняющих», — заговорила Виндхолл. — В этом году нам предстоит научиться использовать целые связки, длинные последовательности рун, но первый месяц мы, как и всегда, будем повторять и закреплять пройденный материал. Итак, напоминаю вам: «Руна — это намерение, выраженное в линии».

Профессор подняла палочку и совершила плавное, почти невесомое движение, на кончике палочки загорелся свет. Тонкая нить сияния, которую палочка, словно игла, вытягивала из самой ткани воздуха.

Линия повисла в воздухе, но не замерла, а завибрировала, словно задетая струна.

— Это не нестабильность, — спокойно сказала профессор, — это контролируемая модуляция. Мы подбираем частоту колебаний так, чтобы рунный контур вошёл в резонанс с предметом. Сегодня наша задача — начертать защитную руну, поэтому удерживаем намерение достаточно сильно, чтобы магия «схватила», но не давим, используя среднюю модуляцию, чтобы не разрушить основу.

Профессор лёгким, почти небрежным движением направила сияющую конструкцию на гальку, лежавшую на кафедре. Свет медленно вплёлся как корни дерева в почву, заполнив камень изнутри ровным, тёплым свечением.

«Бесконфликтная интеграция, — мысленно конспектировал Теодор, его перо замерло над блокнотом. — Ненасильственное присвоение. Цель — не подчинить предмет или объект, а наделить его новой функцией, сделав логическим продолжением заклинания».

Профессор Виндхолл вздёрнула палочку лёгким движением — как дирижёр, задающий тон оркестру. В воздухе что-то щёлкнуло, и перед каждым студентом на столе возникла гладкая галька.

— А теперь практика. Для начала — начертите защитную руну в воздухе, — произнесла она. — Прошу, приступайте.

Эйра медленно прошла вдоль первого ряда, взглядом отмечая каждую мелочь: положение рук, стойку, дыхание. Никто, разумеется, не достал палочку. На современном отделении «Изгоняющих» это выглядело бы так же чудно, как прийти на лекцию по алхимии с медным котлом и в островерхой шляпе, все работали жестами.

Теодор поднял руку одним из первых, его указательный палец описал в воздухе короткую, точную дугу, за ней линию и ещё одну. Эйра, проходя мимо, едва заметно кивнула — для неё это был эквивалент аплодисментов. Теодор отметил это, но не позволил себе удовлетворения, а просто перешёл к следующей линии.

Рядом Джейн подняла руку чуть медленнее, она старалась слишком сильно, как всегда, когда хотела доказать, что справится. Её жесты были мягкими, плавными, почти изящными, но в них не хватало той опоры, которую требовали руны. Первая линия дрогнула, вторая — легла чуть неровно. Символ получился изящным, но таким неустойчивым, будто даже дыхание могло его развеять.

Эйра остановилась возле неё, наблюдая.

— Хорошо, — сказала она. — Но не давите на жест. Руна — не просто рисунок, она держится на намерении, а не на силе нажима.

Джейн попробовала снова и Теодор продолжил работать, но его внимание — вопреки собственным правилам — всё равно возвращалось к ней. К тому, как она старается, как она боится ошибиться. К тому, как её руна, даже нестабильная, всё равно получается красивой.

К тому, как Дженни закусила нижнюю губу в сосредоточенности, как её брови сдвинулись, образуя маленькую, упрямую складочку на переносице. А пальцы, чуть дрожа, выводили линию за линией с трогательным, яростным прилежанием.

Он ощутил прилив гордости: какая всё-таки Джейн молодец! Она так старается и даже в тех дисциплинах, которые ей не нравятся и не очень даются, проявляет упорство. Эта чистая, безрассудная воля к победе над собственными слабостями и была её главной силой. Силой, перед которой его безупречная техника порой казалась просто умелым ремеслом.

Глава 4. Дженни. «В гостях»

Джейн сидела в глубоком кресле, погрузив пальцы в шелковистую шерсть белого пушистого кота Марлина. Рядом сидела Инес, держа в руках изящную фарфоровую кружку. Этот сервиз графиня Вайтмор — мама Лео — разрешала подавать только для семьи и самых близких друзей. Лео, стоя у каминной полки, с жаром рассказывал о своей учёбе.

— ...так что если я хочу преподавать потом теорию в Университете, а не просто болтаться ассистентом до конца жизни, мне нужно закрыть «Схемы древних заклятий» и «Историю алгебраических парадигм в магии» на отлично. Но и отдохнуть-то охота! На прошлой неделе мы с ребятами с курса ходили играть в бильярд! А потом в волшебный футбол! Ворота противника там каждые тридцать секунд исчезают и материализуются в случайном месте! Полная тактическая неразбериха, сплошной адреналин!

— С тех пор как ты обрёл это своё «мужское братство», совсем нас позабыл, — деланно вздохнула Инес, закатывая глаза с таким мастерством, будто репетировала эту сцену перед зеркалом. — Куда нам, скромным девицам, мы не чета джентльменам с их бильярдами и исчезающими воротами! Как ты вообще ещё с нами общаешься? Из жалости, наверное.

Лео фыркнул, но в его взгляде читалось привычное, почти братское раздражение.

— У нас две девушки на потоке, и они играют лучше меня. Не говоря уже о том, что если бы я хотел общаться с кем-то из жалости, я бы завёл аквариум с золотыми рыбками. Меньше претензий.

— Ну разумеется, у тебя к ним было бы меньше претензий, чем к нам!

Инес продолжала что-то насмешливо отвечать, Лео отшучивался, их весёлая перепалка текла привычным чередом, но Джейн слушала её лишь вполуха. Её мысли снова и снова возвращались к позавчерашней ночи, к Падди.

Она так долго обижалась на Тео! За то, как много он на себя взвалил, не желая прислушиваться ни к ней, ни к обеспокоенной его нагрузками в той же степени младшей сестре, Юфи. Но только в наступающей ночи, посреди пустынной дороги, она поняла, из-за чего это происходит.

«Он мне не доверяет. Вот и всё».

Когда они только начали работать в Гильдии, Джейн со всем пылом и усердием, на которое была способна, принялась за тренировки. Она штудировала конспекты, которые аккуратно переписывал и давал ей Тео, отрабатывала жесты до мышечной боли, заставляла себя сидеть над скучнейшими теориями. И ужасно собой гордилась. Каждый успех, каждое верно произнесённое заклинание на поручении она мысленно добавляла в копилку своих достижений с мыслью: «Я не являюсь обузой своему напарнику! Я тоже что-то делаю! Я ему помогаю!»

Теперь же её накрыл стыд. Ну и что с того, что она хорошо делала свою работу? Это была её обязанность, она получала за это жалование из казны Гильдии! Как ей вообще могло прийти в голову этим кичиться? Ведь повара, которого наняли приготовить ужин, не хвалят за то, что он его в конце концов приготовил. Швею, принявшую заказ на платье, не благодарят с придыханием за то, что она его сшила. Джейн не совершала ничего сверхъестественного, просто старалась выполнять свою работу хорошо.

А для Теодора Флинна «хорошо» никогда не было достаточно, его «достаточно» лежало где-то в области безупречности, за гранью простого выполнения обязанностей. Его стандарты были высечены из мрамора, а её собственные старания казались ей теперь лепниной из крошащейся глины.

Джейн снова принялась гладить кота, но движения её были механическими. Ей нельзя отставать от Тео, нельзя довольствоваться малыми успехами, нужно приложить больше усилий! Настолько, чтобы он наконец перестал видеть в ней потенциальную слабинку, которую

нужно прикрывать своим контролем, чтобы его доверие перестало быть милостью, а стало естественным следствием. Даже если для этого придётся на время забыть, кто она, и стать немного больше похожей на него. Может, так даже лучше.

— Джейн? Ты меня слышишь? — окликнула её Инес.

Джейн вздрогнула и встретила взглядом с подругой.

— Прости, задумалась. О воротах, которые исчезают, — сказала она, и голос прозвучал почти естественно.

— Эй, а давайте в следующий раз сыграем вместе! — Лео отставил чашку, его лицо озарилось. — Можно и Теодора позвать, если он, конечно, оторвётся от своих учебников. Я уже рассказывал ему, пытался зазывать, он вроде как проявлял интерес!

Инес повернула голову к Джейн, и в её глазах мелькнула хитрая, понимающая искорка.

— Отличная мысль! — воскликнула она. — Что скажешь, Джейн? Будет весело с этим книжным червём? Или он будет стоять в углу и вычислять траекторию полёта мяча с погрешностью в ноль целых три десятых градуса?

Джейн почувствовала, как тепло разливается по щекам. Она сделала глоток чая, чтобы выиграть секунду.

— Да, отличная мысль, — сказала она наконец, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно.

Она представила себе эту картину: Тео, скрестив руки, внимательно понаблюдает за игрой, его мозг молниеносно проанализировал бы паттерны появления ворот и через десять минут выдал бы оптимальную стратегию, полностью лишаящую игру элемента веселья и случайности. Мысль была одновременно забавной и вызывающей знакомую тоску.

Инес, не отводя от неё взгляда, наклонилась вперёд, её тон остался лёгким, но в глубине глаз появилась серьёзная заинтересованность.

— Кстати, — спросила она, — как у вас вообще дела?

Дела... В Гильдии? В Академии? Или... между ними? Инес давала ей пространство для манёвра, но ждала искренности. Что же ответить? Что всё прекрасно, но пока он не доверяет ей?

— Хорошо, — выдохнула она, и в её собственном голосе прозвучало сомнение, которое она тщетно пыталась скрыть. — Всё... хорошо.

Инес приподняла бровь, но не стала давить. Лео поспешил перевести тему обратно к достоинствам волшебного футбола.

В этот момент тихий, мелодичный писк раздался у Джейн на поясе. Она вздрогнула и потянулась к маленькой сумке для писем, украшенной вышитой совой — подарку от Инес на прошлый день рождения. Внутри, свернутая в тугую трубочку и перевязанная простой серебряной нитью, лежала записка.

Она развернула пергамент.

Джейн.

Мои родители вернулись в столицу сегодня днём. Они приглашают тебя к нам на ужин. Приходи в особняк к шести часам.

Приглашение распространяется также на Инес и Лео, если они свободны. Я пришлю за вами карету?

Теодор

— Тео приглашает нас на ужин в особняк Флиннов, нас троих, пришлёт карету. Его родители вернулись в Лисмор. Я соглашаюсь?

— Отлично! Пойду предупрежу маму, что мы ужинаем вне дома, — обрадовался Лео и поспешно вышел из комнаты.

Джейн тут же взялась за карандаш и листок, вытащенные из специального отсека в сумке; она уже начала выводить «Да, конечно...», как Инес вдруг схватила её за запястье, проговорив почти в ужасе:

— Погоди, ты что! Ты просишь Флинна подать карету сюда?

— Э... да? — Джейн, сбита с толку, оторвала взгляд от записки. — Мы же здесь, куда мне просить карету, в соседний город?

— Мы же не готовы!

— К чему? — Джейн оглядела себя и подругу. Одеты они были уже вполне соответствующе вечеру, волосы были убраны аккуратно, платья красивые, но не вычурные. Вполне сошло бы для дружеского ужина.

Инес закатила глаза к потолку.

— О, Богиня любви и всех влюблённых... — вздохнула она с чувством. Джейн настояжилась. — Ты же мне сама говорила, что ещё ни разу близко не сходилась с родителями Флинна! Ты ужинала с ними когда-нибудь за одним столом? В частной обстановке? У них дома?

У Джейн похолодели ладони.

— Пф-ф-ф... — Инес рассмеялась. — Дошло, да? Твой Флинн поэтому и приглашает нас с Лео, чтобы тебя не смущать.

— Он пригласил вас, — покачала головой Джейн, — потому что знал, что я сейчас у Лео.

— Ну так что, едем по домам, собираться как следует?

— Нет. Нет, поедem как есть. С нами всё нормально.

— А тебе не кажется, что это... — Инес понизила голос до шёпота, — ну, немножко похоже на официальное знакомство с родителями? Твой Флинн небось это сам затеял. Иначе почему у милорда и миледи возник к тебе интерес?

Джейн вскочила и принялась мерить комнату шагами. Нет, глупости, быть не может... Между ними в последнее время не было ни единого намёка на что-то большее, чем дружба. Она уже начала бояться, что он её вовсе позабыл и увлёкся кем-нибудь ещё.

— Это, — выдохнула она, останавливаясь у окна, — может быть просьбой Фабиана или Юфимии, они общительны, у них обоих весёлый нрав, но я знаю, — хоть это строго между нами, Инес! — отца они сторонятся и... не то что побаиваются, просто им нелегко выносить его характер. С этой точки зрения разумно пригласить гостей...

На поясе опять зазвенела сумка, в новом письме Тео уточнял, приедут ли они и нужна ли карета.

— Я попрошу его подать карету сюда, — решительно сказала Джейн, снова хватаясь за карандаш. — И ради всех богов, Инес, прошу тебя! Я рада, что ты будешь со мной в этот вечер, но постарайся быть как можно мягче к Тео. Я знаю, его не задевают твои замечания, но в кругу его семьи прошу — не выказывай своего истинного к нему отношения.

— Не учи меня вести себя в обществе, — огрызнулась Инес. — Я в курсе, как это делается. Уж получше некоторых! И нормально я отношусь к твоему Флинну.

Джейн лишь хмыкнула в ответ, сосредоточившись на записке.

— Да, — продолжила Инес почти с вызовом, — я вижу, что тебе он интересен. Как мужчина. Мне это непонятно, я сначала просто помирала со смеху, когда Лео предположил, что вы друг другу нравитесь. Понятия не имею, что может быть на душе у такого чёрствого человека, как Флинн, но честное слово, Джен! Ты достойна лучшего.

Инес недовольно поджала губы, скрестив руки на груди, будто вынесла окончательный и бесповоротный приговор. Джейн ничего не ответила.

— И, если хочешь знать моё мнение, ты напрасно поторопилась! Надо было как следует подготовиться, я бы на твоём месте непременно рванула бы домой! — Инес выглядела почти рассерженной.

— Ты боишься произвести плохое впечатление? Извини, если помешала тебе вернуться и переодеться, но я уверена...

— О боги, Джейн! Ты иногда как лесной совёнок или тролль из-под моста! Не за себя я беспокоюсь, мне, по большому счёту, всё равно, что обо мне будут думать Флинны! Но если бы я знакомилась с родителями — уважаемыми и знатными! — предполагаемого жениха, уж я бы собралась как следует!

Дженни прикусила губу. Может, Инес и права, но она волновалась бы гораздо сильнее, если отправилась бы «приводить себя в порядок»...

Инес встала:

— О себе я сама позабочусь, не переживай. Пойду выпрошу у графини какую-нибудь подвеску или брошь, чтобы явиться герцогам не абы как!

И подруга почти выбежала из комнаты, оставив Джейн озадаченно смотреть на три пустые чашки, оставшиеся на столе.

Через некоторое время дверь снова открылась и в комнату вошёл Эдмунд Вайтмор, старший брат Лео.

Он был таким, каким и должен быть средний сын в деловой семье и ответственный адепт: сдержанный, статный, с безупречной осанкой. Его рыжие волосы — не яркие, как у Лео, а более сдержанного, медного оттенка — были коротко и практично стрижены, ни одна прядь не выбивалась. На переносице и скулах, куда чаще всего попадало солнце, россыпью лежали лёгкие веснушки.

— Инес и Лео задержатся у мамы, — улыбнулся он, садясь рядом с Дженни. — Ей пришла в голову очередная «гениальная идея» и они вместе с отцом пытаются её отговорить.

На столе возник новый чайник, полный чая, и чашка. Джейн хотела уже спросить Эдмунда, что за дивная идея возникла в голове его матери, но он заговорил первым:

— Дженни я на днях в Гильдии, видел, как ты общалась с Маккинли. Не стоит быть с ней такой милой и приветливой, она та ещё сплетница.

— Я не была с ней так уж приветлива, мы поболтали о незначительных вещах, только и всего, — смутилась Джейн.

— Хорошо. Просто имей в виду, что она за спиной говорит совсем не то же, что в лицо. И это касается не только вас с Флином.

Марлин перебрался к Эдмунду и растянулся, блаженно урча. Джейн машинально протянула руку, чтобы почесать его, но кот увернулся, благосклонно подставив бока хозяину.

— Я поняла, спасибо за предупреждение.

— Не стоит, ты выросла у меня на глазах и мне как младшая сестра. Я бы не остался в стороне и уже и так сделал ей несколько замечаний. В прошлом году мы, я и Твилли, тоже старались её урезонить, не знаю, на сколько наших стараний хватит сейчас.

— В прошлом году...

— Ну, ты же понимаешь, когда вы с Флинном только поступили стажёрами, всем это казалось забавным, да и только. Никто и подумать не мог, что Вандер даст вам звание, да ещё позволит совмещать работу с учёбой.

— Ах вот как! То-то я смотрю, все как-то кривятся, когда нас видят.

— Не переживай, они привыкнут, — тепло отозвался Эдмунд, — просто нужно время. Звания — болезненная тема в Гильдии, многим присваивают «адептов» только годам к двадцати двум. Вам дали в семнадцать, разумеется, это вызвало... нездоровый ажиотаж у наших коллег.

Он усмехнулся и почесал живот коту. Джейн с лёгким огорчением отметила, что на Марлина он смотрит почти с тем же выражением на лице, что и на неё: покровительственно и заботливо.

— Я помню, когда Твилли пришла зачисляться адептом, — продолжил он, — её не хотели брать. Хотя у неё было всё — и законченное образование, и талант, и работать она собиралась в паре с Крэйгом. Но в канцелярии упёрлись: «как это вам двадцать лет, в двадцать ещё учатся на последних курсах!» Она говорила, что окончила гимназию в шестнадцать, поэтому поступила в университет раньше, предоставляла все документы — и всё равно, отказ за отказом.

Эдмунд с помощью волшебства налил ещё чая себе и Дженни. Марлин, пользуясь тем, что хозяин отвлёкся, стащил с его блюдца печенье и радостно унёсся прочь из гостиной с добычей в зубах.

— Я тогда уже служил адептом, больше года. И помогал Крэйгу ходить по кабинетам магистров, составлять прошения, чтобы победить наконец эту бюрократическую гидру. Это заняло почти месяц.

— Я об этом не знала... — начала Джейн, и её накрыла новая волна раздражения. — Но всё равно, какое отношение это имеет к нам? Разве мы в этом виноваты?

— Конечно, вы не виноваты. Вам во многом повезло из-за того, в какой отдел вас направили — у Вандера ужасная текучка, мало кто его выдерживает. Он посмотрел, что вы справляетесь с поручениями и не хамите, не пишете тонну жалоб на него архимагам, не хлопаете дверью. Для него это уже веский довод вас оставить, многие это понимают. Но не все.

— Хм...

— Все через это проходят, Дженни. Так или иначе, притирки есть в любом коллективе, — сказал Эдмунд. — Хьюз всем вас расхваливает, говорит, что у Вандера чутьё на хороших работников, а толковые адепты в Отдел Общего Профиля нам очень нужны, всей Гильдии. Но такие люди, как Маккинли или Крэйг с Линчем, восприняли ваше назначение... как покушение на свой собственный статус, в каком-то смысле.

— И Крэйг с Линчем? Но почему?! Мы ведь даже и не сделали ничего сенсационного, у нас, дай боги, с десятков заданий уровня «А» наберётся! Вандер гоняет нас в основном на «Д»!

— Ну, гонять вас он может хоть за чашкой кофе и бутербродом, звание-то у вас есть. А в Гильдии многие к этому идут годами.

Он помолчал немного, словно взвешивая, сколько может сказать, и продолжил:

— Причин для скрытого недовольства масса. Кто-то из бедной семьи и в принципе нас, аристократов, не выносит. Кому-то служба даётся тяжелее просто потому, что он не так магически одарён. Другие, видя ваше назначение, считают его незаслуженным из-за возраста, выскочек у нас не любят.

— Мы не выскочки! — мгновенно вскипела Дженни.

— Я знаю! — ответил Эдмунд, устало прикрыв глаза. — Поэтому и говорю — подожди, пока все увидят, чего вы стоите. Пару раз проявите себя, придёте на выручку в нужный момент — все вопросы к вам отпадут сами собой.

Он внимательно посмотрел на Джейн и задумался.

— Разве что Маккинли это не касается. Не подумай, у меня нет привычки плохо говорить о коллегах, но Дэйзи Маккинли — это отдельный разговор... Она всё пытается вынюхать, нет ли у вас с Теодором романтической связи. Я ей сказал, что вы друзья детства, как меня и просил Лео. Но имей в виду, она с радостью тебя скомпрометирует, если будет за что.

Да, это была идея Лео — всем говорить, что они с Дженни, Инес и Тео были дружны последний год учёбы. В лице Тео ни с кем не общался, никто его не замечал. А Джейн дружила только с Лео и Инес, поэтому создать у общества такие «ложные воспоминания» оказалось довольно просто. Многие в это поверили легко, и это было бы даже забавно (Инес, во всяком, случае считала, что это очень показательно), но Дженни было тоскливо на душе, когда она вспоминала того Тео — одинокого лицеиста, с которым никто не общался. И которого они с Инес дразнили — иногда очень обидно и совершенно незаслуженно.

— Просто имей в виду, даже когда всё устаканится — Маккинли не тот человек, с которым можно дружить или приятельствовать. Хорошо?

— Да. Спасибо, Эдмунд.

К шести часам, когда поданная Тео карета привезла их к особняку Флиннов, Джейн чувствовала себя невероятно взволнованной. Дверь особняка распахнулась — на пороге стоял Тео.

— Добрый вечер, — сказал он, и в его голосе слышалась напряжённость.

Тео сделал шаг назад, освобождая проход.

— Прошу, — сказал он, и жест его был безупречно вежливым, но чуть более формальным, чем обычно.

Инес вошла первой — уверенная, будто входила в дом старых знакомых. Лео последовал за ней, и в мягком свете магических ламп его рыжие кудри вспыхнули золотом, словно пламя камина. Он улыбнулся Джейн — ободряюще, светло, как только он и умел. Ей пришло в голову, что Лео сам напоминает язык пламени — тёплый, яркий и весёлый.

Джейн шагнула внутрь последней. Тео шёл рядом, чуть впереди, будто невольно прикрывая её собой от простора мраморного холла и молчаливого внимания слуг.

Гостиная встретила их тёплым светом камина и тихим, сдержанным гулом разговоров, который на мгновение смолк, когда они появились в дверях.

Джейн, конечно, была знакома с родителями Тео, хотя «знакома» — это громко сказано. За всю жизнь она вряд ли перебросилась с ними и десятью фразами, и те в основном звучали как «здравствуйте» и «всего доброго», выпаленные на балах или в театре из вежливости и тут же забытые.

Герцогиня Эдит Флинн сидела в кресле у окна, держа на коленях раскрытую книгу. Высокая и худая, с красивыми длинными пальцами, которые легко перебирали страницы. Лицо у неё было слегка удлинённым, как у Тео, с теми же чёткими скулами. И такие же иссиня-чёрные волосы, как у всех её детей, собранные в изящную причёску. Она выглядела невозмутимо, даже безмятежной, но в этой безмятежности сквозила сдержанность. Сейчас она слушала что-то, сказанное Юфимией, и в уголках её глаз образовались мелкие морщинки — признак улыбки, которая так и не добралась до губ.

Герцог Дерек Флинн был тоже высоким и худым, но не сухопарым. Его волосы и борода были цвета пепла и соли, и эта седина ему скорее шла. Черты лица — острые, резкие, будто высеченные из гранита. Когда гости вошли, он устремил взгляд, колкий и оценивающий, на Лео и Инес, а затем на долю секунды задержался на Джейн.

О герцоге нельзя было сказать, что он зол или груб, он был скорее просто едким, как лимонная кислота. Возможно, это впечатление у Дженни было сформировано под влиянием общения с его детьми. До того как она подружилась с младшими Флиннами, она не считала герцога неприятным человеком.

Герцог Флинн медленно поднялся с кресла и открыл рот, чтобы что-то сказать — вероятно, «Прошу располагаться», — но его опередила Юфимия.

Увидев вошедших, она мигом сорвалась с места, как солнечный зайчик, вырвавшийся из-за тучи.

— Леди Джейн, я так рада, что вы пришли! И вы, мисс Фрогготт, виконт Лоу! Проходите, прошу!

Юфи не просто подошла, она почти подбежала и тут же взяла Джейн за руку. Джейн, успевшая заметить, как при этом движении брови герцога сдвинулись на миллиметр, а пальцы герцогини замерли на странице книги, решила взять инициативу. Она боялась, что восторженная Юфи, которая едва ли не подпрыгивала от счастья, выпалит что-нибудь слишком личное или неуместное. Пока Юфимия тянула её к матери, Джейн собиралась с духом.

— Ваша светлость, добрый вечер! — Джейн плавно присела в безупречном реверансе перед герцогиней, осторожно освободив руку из дружеских тисков Юфи.

Герцогиня очень медленно подняла на неё взгляд.

— Добрый вечер, леди Джейн, — произнесла она.

Не давая Юфимии снова вступить в разговор, Джейн тут же повернулась к герцогу и сделала ещё один, чуть более низкий реверанс.

— Герцог, ваша светлость.

Инес, оказавшаяся чуть позади, синхронно склонилась в почтительном поклоне.

— Ваши светлости, — чётко и с достоинством сказала Инес. — Благодарим вас за приглашение.

Тем временем Юфимия, ничуть не смущённая, уже вновь обвила руку Джейн.

— Мама, это же леди Джейн! Ты её помнишь, конечно, но всё равно — вот она! — сияла она, словно представляя домашним лучшую подругу.

— Дженни, рад тебя видеть, — сказал подошедший ближе Фабиан, и в его голосе звучало искреннее дружелюбие.

Фабиан Флинн уже давно жил своим домом, кажется, с самого совершеннолетия. То есть уже почти года четыре, если не пять. Но в главном особняке Флиннов, доме его родителей, его можно было застать почти всегда, даже женитьба этого не изменила. В какой-то мере это было оправданно общими делами и управлением поместьями, чем он, как наследник, был всецело поглощён. Но Джейн была уверена, что Фабиан остаётся в родительском доме ещё и для того, чтобы приглядывать за сестрой и братом.

— Спасибо, лорд Фабиан. Миссис Флинн!

— Я тоже очень рада, леди Джейн! — присоединилась Эйрвен. — Мы с вами так давно не виделись. Кажется, со дня нашей свадьбы, милый? — обратилась она к Фабиану. — Мне не терпится послушать о вашей учёбе и о новых поручениях Гильдии! Фабиан сказал, что вы снова приступили к работе. Мисс Фрогготт, виконт, здравствуйте.

Джейн почувствовала, как с другой стороны к ней придвинулся Лео. Он встал чуть ближе, чем обычно, его улыбка, обращённая к ней, была уверенной и поддерживающей.

А потом она на секунду перевела взгляд на Тео, стоящего чуть позади. Он стоял в полшаге, был напряжён, его взгляд метался от выражения лица матери к непроницаемой маске на лице отца, затем возвращался к Джейн. Ей стало его жаль. Дженни и сама не всегда чувствовала себя комфортно в своём доме, но Тео выглядел как птица, случайно залетевшая в комнату и беспорядочно бьющаяся в стены и окна в поисках свободы.

Герцог Флинн, видя, что садиться в кресла никто не собирается, не произнёс «Пойдёмте к столу». Он просто поднял руку и сделал короткий, почти небрежный жест в сторону дверей, ведущих в столовую. Это было не приглашение, а команда, отданная без слов.

Эффект был мгновенным — разговоры смолкли, все, и гости, и домочадцы, направились в столовую.

За ужином Юфи всё ещё не собиралась сбавлять своего напора и, едва суп был разлит по тарелкам, тут же принялась делиться новостями, обращаясь прямо к Джейн через весь стол.

— Леди Джейн, вы не поверите, что я вам сейчас скажу! — в глазах Юфимии блеснул восторг ребёнка, получившего самую желанную игрушку на день рождения. — Я поступила в Университет! На тот же факультет, что и вы, мисс Фрогготт! «Магическая биология», только отделение другое — «Волшебная флора дальних земель»!

— Вот как... — сказала Джейн, стараясь скрыть изумление, чтобы не задеть Юфи.

Известие, на самом-то деле, было ошеломляющим, ведь у Юфимии было слабое, хрупкое здоровье. Она даже не ходила ни в школу, ни в лицей в детстве — учителя приходили на дом в их южное поместье. Сейчас ей, казалось, стало лучше, раз она появилась в столице, но всё равно... По Юфимии сразу было видно, что она чем-то серьёзно больна — в полумраке

гостиной это ещё не так бросалось в глаза, но здесь, в ярко освещённой столовой, контраст с её братьями был разительным. Её такие же чёрные волосы казались тусклыми, лишёнными здорового блеска, что вызывало иногда у Джейн неприятные ассоциации с париками. Кожа была не с аристократической фарфоровой бледностью, а с болезненной, сероватой прозрачностью. Под глазами залегли глубокие тени, которые сейчас, можно было не сомневаться, были тщательно замазаны кремом и скрыты волшебной пудрой.

Юфи, кажется, всё-таки смутилась, её радость слегка померкла.

— Ого, вот это да! — громко подал голос Лео, спеша заполнить возникшую паузу. — Я вас от всей души поздравляю, леди Юфимия! Это просто прекрасно, ваш талант к магической флоре, о котором я столько слышал, теперь будет служить королевству!

Джейн быстро окинула взглядом сидящих за столом. Все Флинны, включая Тео и даже обычно дружелюбную и сердечную Эйрвен, выражали сдержанное, но очевидное неодобрение. Герцог смотрел на дочь тяжёлым, испытующим взглядом, явно удерживаясь от язвительного замечания.

— Я очень рада это слышать, леди Юфимия, — поспешила исправиться Джейн, вкладывая в голос как можно больше искренней теплоты, — поздравляю вас! И какой интересный выбор — флора дальних земель! Это ведь... изучение адаптации экзотических растений, если не ошибаюсь?

— Сестрица решила, — без всякого энтузиазма вставил Фабиан, — что выращивать в наших северных землях ананасы и арбузы с помощью магии — блестящая коммерческая идея.

— Дело не в арбузах, — с чувством ответила Юфимия. — Я не агроном, я маг. Волшебные растения с других континентов могут совершить прорыв во многих традиционных отраслях нашей магии — алхимии, зельеварении, оберегах!

— Пусть делает что хочет, — махнул рукой герцог Флинн, — для дамы образование — это баловство. Кто-то вышивает, кто-то рисует. Кто-то интересуется наукой и магией, кто-то пишет рассказы. Для мужчины важно дело, а леди может себе позволить уделять время чему захочет.

Он взял бокал с вином, отпил и сказал уже веселее:

— Выдадим тебя за какого-нибудь герцога, будешь сидеть у него в поместье и вместо виноградников культивировать гранатовые деревья.

— И много вы, отец, знаете свободных герцогов? — парировала Юфи, не опуская глаз. Её щёки покрылись лёгким румянцем. — У нас в королевстве герцогских домов всего шесть, включая наш. Почти никому по возрасту из неженатых герцогов или даже будущих герцогов, я не подхожу.

— Возраст, моя милая, пустяк, когда разговор идёт о таком серьёзном шаге, как брак, — возразил он. — Погляди на Берков: выдали младшего за девицу, которой через пару лет сорок! У вашей матери к этому моменту было уже пятеро детей! И ничего, жених с невестой друг от друга не в восторге, зато их семьи в выигрыше. Как и они сами: ему — деньги её семьи, ей — положение, титул, муж и все доступные замужней даме привилегии, — он обвёл взглядом стол, будто читая лекцию. — Замужняя женщина имеет больший вес в обществе, чем девица. Может ездить, куда пожелает, принимать гостей, вести переписку — никто не станет её ограничивать.

Дженни устала в свою тарелку. Герцог был прав: письмо незамужней девушки мужчине без уважительного повода считалось неприличным. Письмо незамужней девушке от мужчины — компрометирующим. Девица могла открыто переписываться только с родственниками и подругами. Конечно, никто не мог следить за волшебной почтой, но если бы такая переписка стала известна... Джейн сама позволяла себе перебрасываться с Тео записками только под надёжным предлогом: «срочное сообщение по работе в Гильдии». У замужней дамы было куда больше свободы, даже если она была замужем за нелюбимым человеком.

— Я позволю себе возразить, ваша светлость, — неожиданно, но предельно вежливо вступил в разговор Лео. Все взгляды устремились к нему. — Я дружен с Марком Берком с детства и имел честь присутствовать на его свадьбе. Его супруга, Арабелла, особа весьма милая и остроумная, ей не около сорока, а тридцать три. Она привлекательна, обладает живым умом, и они с Марком, насколько я могу судить, вполне хорошо живут. Я был у них на днях в гостях.

— Да я ничего дурного о миссис Берк и не говорил, виконт, — улыбнулся герцог. — Хорошо, что они ладят, в этом весь смысл. Вы, молодые люди, вечно считаете, что влюблённость и влечение — самый прочный фундамент для брака. Хотя это, увы, совсем наоборот. Супруга или супругу надо подбирать с холодной головой! Чтобы потом не было стыдно ни перед обществом, ни перед самим собой, ни перед тем самым любимым человеком. Когда иллюзии и фантазии разобьются о быт. Вы считаете, что любовь способна преодолеть все преграды, но не понимаете, насколько нелегко идти против света с его законами. Против простой, житейской логики, в конце концов.

Этот монолог звучал так уверенно, так непререкаемо наставительно, что Джейн стало неловко за герцогиню. Получалось, герцог как будто публично подчёркивал, что женился не по любви, а по расчёту. Она невольно бросила взгляд на леди Эдит.

Но герцогиня, к изумлению Джейн, лишь одобрительно покачала головой.

— Совершенно верно, — сказала она, — любовь — это не причина для брака. Любовь — это то, что возникает в браке, если оба супруга прилагают к тому достаточно усилий.

Дженни чуть не стошнило от этой унылой, заезженной морали, которой она за свои почти девятнадцать лет успела наслушаться вдоволь.

— Вы, виконт Лоу... — продолжил герцог, — слишком юны для титула. Его вам пожаловал король, за заслуги вашего отца. Я не ошибаюсь?

— Да, ваша светлость, — невозмутимо ответил Лео. — Мой отец, граф Конрад Вайтмор, как вам известно, владелец торгового флота. Нам, моим братьям и мне, титулы с небольшими поместьями были пожалованы за «неоценимый вклад в экономику страны», сделанный нашим Домом.

— Богатейший судовладелец и торговый магнат, я бы сказал, — поправил герцог. — Ваш отец. А мисс Фрогготт... хоть у вас нет титула, ваш собственный отец глава крупнейшей сухопутной торговой компании, что делает вас одной из самых завидных невест королевства. Почтище многих баронесс да виконтесс.

Фабиану и Тео не нравилось, к чему клонил отец, Джейн однако не видела в этом ничего такого: люди их круга любили считать вслух свои и чужие деньги, мериться титулами. Это был обычный разговор за ужином.

— Но и ты, Юфимия, моя милая, не так проста, — герцог снова обратился к дочери. — Имей в виду, я рассчитываю на зятя-герцога. А если повезёт — на принца!

Дальше ужин тянулся вяло, утонув в несущественных разговорах о последних фасонах из столичных ателье, о затянувшихся осенних дождях, о политических новостях из соседних королевств и обсуждении победителей недавних скачек. Беседа текла гладко, как заведённая музыкальная шкатулка, но за каждым словом, за каждой улыбкой Джейн чувствовала лёгкое, постоянное напряжение — будто все сидят не на стульях, а на ежах, тщательно это скрывая.

Когда, наконец, трапеза подошла к концу и все поднялись из-за стола, герцог произнёс прощальные слова, обращённые к гостям:

— Виконт, мисс Фрогготт. Я был рад вашей компании, заходите к нам ещё. Моим детям не хватает достойного общества сверстников, и я рад, что у них есть такие друзья.

Лео и Инес учтиво поблагодарили хозяев дома. Джейн тоже сделала реверанс, собираясь присоединиться к общим благодарностям, но герцог остановил её жестом.

— Леди Джейн. К вам, а также к моему сыну, у меня, по правде говоря, есть отдельный разговор. Пройдёмте, пожалуйста, в мой кабинет. Фабиан, можешь присоединиться. Если желаешь.

Джейн, сбивая с толку, глянула на Фабиана и Тео — их лица застыли в абсолютной неподвижности. Мышцы на скулах Фабиана напряглись, проступив чёткими жгутами, будто он с силой сжал челюсти. Взгляд Тео, обычно такой сдержанный, стал острым, почти хищным. Он прищурился, глядя на отца, и Джейн могла поклясться, что уловила в глубине его глаз не просто настороженность, а обжигающее презрение.

Глава 5 . Тео. «Инициатива и безысходность»

Отец вернувшись с утра из поместья, едва увидев Теодора на пороге, буднично произнёс:
— Пригласи-ка сегодня на ужин леди Джейн.

Тот даже остановился. Он не сразу понял, что именно услышал, и совершенно неуместно, но искренне спросил:

— Зачем?

Отец изобразил что-то вроде добродушной улыбки.

— Пора бы нам с матерью поближе познакомиться с твоей коллегой по Гильдии и учёбе,
— сказал он тоном, который должен был звучать приветливо, но прозвучал как плохо разыгранная сцена.

Фабиан, стоявший рядом, побледнел. Он тут же принялся отговаривать отца, сбивчиво, торопливо, будто пытаясь потушить пожар голыми руками. Это, разумеется, только ухудшило ситуацию — просьба мгновенно превратилась в приказ.

Почему отец так внезапно заинтересовался Дженни? О чём он собирается с ними говорить? Отец не тратил время на бесполезные социальные жесты, каждое его действие имело цель, часто — несколько. Познакомиться? Это поверхностно. Использовать как инструмент в какой-то своей игре? Наиболее тревожный и, увы, самый правдоподобный вариант.

Дженни шла рядом и сохраняла спокойствие, кажется, просто недооценивая характер герцога. Её взгляд скользил по стенам, портретам предков, тяжёлым шторам.

Отец остановился у массивной дубовой двери, на темном дереве был вырезан герб дома Флиннов: серебряная ветвь полыни на чёрном поле. Горькая трава, лекарство и яд в одном флаконе. Символ стойкости, выживания на самой скудной почве — и напоминание о горечи, которую может нести в себе истина.

Рука герцога — обручальное кольцо с тем же миниатюрным рельефом полыни — холодно блеснуло при свете лампы, легла на бронзовую ручку.

Теодор затаил дыхание, готовясь к неприятному разговору, и ощутил, как стоящие рядом Джейн и Фабиан сделали то же самое. Они прошли в кабинет.

В просторном кабинете отца, на диване у низкого столика, сидели двое — человек и лепреккон. Человеку было лет тридцать, выглядел он усталым и измотанным, напоминая тех клерков, которых Теодор иногда видел в коридорах Гильдии.

Лицо лепреккона обрамляла огненно-рыжая борода, а такие же густые волосы были тщательно уложены. На нём был дорогой костюм, на пальцах — несколько изящных перстней, рядом стояла трость с серебряным набалдашником. Он не был одет слишком уж пышно, роскошь не бросалась в глаза, но Теодор, сын герцога, сразу понял: лепреккон либо очень богат, либо занимает высокий пост при дворе. А человек рядом, скорее всего, его помощник или управляющий...

— Имейте в виду, — сказал отец вошедшим, — наши гости здесь по деликатному делу. Так что, леди Джейн, Теодор, Фабиан, то, что вы сейчас услышите, не для посторонних ушей. Это должно остаться в стенах моего кабинета.

Теодор почувствовал, как в нём закипает возмущение.

— А не следовало ли предупредить нас заранее, — спросил он, — чтобы мы могли выразить согласие или отказ? У нас, получается, не было выбора, не участвовать в этих «деликатных» разговорах?

Лепреккон и человек удивлённо уставились на Теодора. Да, он почти нахамил, но отец пытается вплести его в какую-то свою авантюру. Ладно его, но Дженни!

— О, мой мальчик, — рассмеялся отец, — я давно уже жалею, что ты не пошел по семейной стезе, учитывая твои явные склонности к юриспруденции. Однако...

Отец достал из ящика стола какой-то листок и протянул его Теодору. Но тот уже понял, что это. Записка, написанная им самим в прошлом году, когда нужно было разделаться с Грох-хом и проникнуть в архивы королевского суда. «Буду Вашим должником» — написал он тогда отцу.

— Ты обещал, мой дорогой. Услуга за услугу, — герцог Флинн довольно улыбался. — Впрочем, леди Джейн выбор имеет, я пригласил её, поскольку знаю — вернее, сэр Киллиан слышал — о том, как хорошо вы работаете в команде. А дело — срочное, сложное и, как я уже сказал, деликатное. Садитесь, дети.

Отец указал на кресла у дивана, на котором расположились гости. Теодор колебался, его взгляд встретился с взглядом Дженни, она повернулась к нему с мягкой улыбкой, в ней читалось «давай сначала послушаем». Затем подошла к свободному креслу. Теодор, скрепя сердце, последовал за ней, внутренне проклиная себя за то, что вообще пригласил Джейн сегодня. Как будто не было очевидно, к чему это может привести в доме его отца!

Пока они рассаживались, лепрекон откашлялся и заговорил.

— Спешу вас уверить, ни в чём незаконном или бесчестном вас не будут принуждать участвовать. Более того, вы вполне можете отказаться, выслушав нас. Позвольте для начала представиться: я — сэр Киллиан О'Мэлли, рыцарь Его Величества. Это — лорд Персиваль Винтермонт.

Лорд. Теодор мысленно перебрал знакомые аристократические фамилии. Винтермонт... Он был с ними незнаком, но это и неудивительно — сам Тео не так часто появлялся на общественных балах и официальных приёмах, а Винтермонты, как он припоминал, жили в самой южной части королевства и редко оттуда выбирались.

— Прошу меня извинить, — сказал Теодор, стараясь, чтобы голос звучал вежливо. — Поймите, мне бы не хотелось втягивать свою напарницу в дело, которое всё же не кажется мне слишком уж... прозрачным, — он перевёл взгляд на отца, а затем обратно к лепрекону. — Позвольте спросить вас, сэр Киллиан, и вас, милорд: отчего вы не обратились в Гильдию? Наши коллеги спокойно берут дела и строгой секретности. Всё можно было оформить официально: пришли бы к секретарю, запросили бланк на составление поручения, в примечании указали бы пожелание о неразглашении. Вот и всё.

— К моему сожалению, лорд Теодор, — залился кудахтающим смехом лепрекон, — я слишком хорошо знаком с Гильдией, чтобы верить в силу этих «пожеланий». Увы. Что знают трое, то знает и свинья! А в Гильдии, простите за прямоту, полно магистров и архимагов, которые, увидев моё имя в качестве заказчика или даже в описании запроса, захотят поближе присмотреться к делу... И это любопытство может стоить мне титула, рыцарских земель и чести. То же самое грозит и лорду Персивалю, его фамилия так же весьма и весьма заметна. А нам бы совсем не хотелось привлекать внимание.

— Предупреждая твои дальнейшие вопросы, — заговорил отец довольным, почти убаюкивающим тоном, — сообщая: у нас есть прямая финансовая заинтересованность в том, чтобы это дело разрешилось благополучно. Без шумихи, лишних глаз и ушей. Лорд Персиваль, как и его почтенный отец, герцог Севериан Винтермонт, владеют лучшими виноградниками во всём Эйрденне. Именно они поставляют сырьё для наших южных виноделен. А вино с этих виноделен идёт напрямую в наши гостиницы и постоялые дворы, — герцог сделал многозначительную паузу. — После моей смерти ты, Фабиан, унаследуешь винодельню. Ты, Теодор, — гостиничную сеть. Если мы сейчас потеряем нашего лучшего поставщика, то понесём колоссальные убытки. Ситуация, в которой оказался лорд, грозит ему опалой, лишением титула и конфискацией земель. Земли, разумеется, передадут другим. Но Винтермонты столетиями выращивали виноград, они в этом — несравненные эксперты. Потерять такого партнёра было бы верхом глупости.

Этот довод Теодора не убедил, в любом случае желание действовать в обход Гильдии подозрительно. А уж обращаться к восемнадцатилетним студентам — и подавно.

— А леди Джейн, — продолжил отец, переведя взгляд на неё, — заручится расположением ещё двух влиятельных господ. Сэр Киллиан — дипломатический куратор отдела ценностей и редких реликвий при дворе короля Эйрденна. Поверьте, моя милая, чем больше придворных, аристократов и просто полезных людей будет на вашей стороне, тем лучше. Особенно это касается тех, кто наделён реальной властью. Кто знает, как сложится жизнь? Иметь в долгу того, кто может шепнуть слово королю, — бесценно. Это может пригодиться и вам, — отец усмехнулся, — и вашему будущему супругу. И вашим детям, и даже дальним родственникам. Инвестиция в будущее.

— О, да, юная леди, — подтвердил сэр Киллиан, слегка склонив голову. — Я готов гарантировать вам своё покровительство и самое тёплое расположение. Только, умоляю, помогите нам выпутаться из этой истории. Лорд Персиваль, — он повернулся к своему спутнику, — прошу вас, введите молодых людей в курс дела.

Человек, до сих пор молчавший, вздохнул.

— Видите ли, лорд Теодор, леди Джейн... — начал он, чуть помедлив. — Мой отец, герцог Винтермонт, в юности увлекался археологией, был... как бы это сказать... неисправимым романтиком. Поклонником историй о забытых царствах, древних песках, затерянных храмах и мифах. Так что, едва достигнув совершеннолетия — к ужасу моего покойного деда — снарядил экспедицию в Кемет.

Персиваль Винтермонт вздохнул снова, но в его голосе звучала не только усталость, но и некоторая гордость, смешанная с иронией.

— И, разумеется, умудрился влипнуть в одно из местных восстаний. Отец всегда говорил, что «не мог стоять в стороне, когда простые люди страдают». В итоге он оказался чем-то вроде... советника, проводника, посредника при новом правителе. Сам он это описывал как «скромное участие», но, зная его характер, я подозреваю, что он вёл себя как главный герой самого лихого приключенческого романа.

Он бросил короткий взгляд на О'Мэлли.

— В общем, отец тогда приобрёл множество друзей среди кеметян. И, конечно, столько же врагов, если уж быть до конца честным. Но главное — он заслужил уважение одной очень влиятельной семьи. И недавно один из её представителей прислал ему подарок в знак благодарности за прошлое.

Винтермонт нервно провёл рукой по лицу, сделал движение, почти встав, но, встретив взгляд герцога Флинна, снова опустился в кресло.

— Ушебти. Это такая ритуальная статуэтка, которую в древнем Кемете помещали в захоронения — пирамиды, гробницы, усыпальницы. Считалось, что они будут служить умершему в загробной жизни. Прошли тысячелетия, сейчас на большинстве таких фигурок почти не осталось следов магии, для коллекционеров это просто диковинка. Дорогой и уникальный предмет искусства.

— Весьма и весьма уникальный, — вставил лепреккон, и в его голосе зазвучали профессиональные нотки. — Конкретно эту фигурку нашли в гробнице Сети — придворного мага при дворе фараона Псамнептаха. Обнаружить и вскрыть эту гробницу раньше было невозможно, это заслуга новых методов магической археологии, новых исследований. До недавнего времени мы даже не были уверены, что Сети — реальная историческая личность, а не персонаж мифов. А теперь у нас есть материальные доказательства, его вещи. И ушебти, что должны были сопровождать его в последний путь. Сложно переоценить историческую ценность такой реликвии. Я, признаться, даже предлагал его светлости герцогу Винтермонту передать статуэтку в королевский музей. Он отказался. На беду, как теперь выясняется.

— Отец был уверен, что ушебти ничего не грозит, — продолжил Персиваль, его голос звучал так, словно он повторял оправдания уже много раз. — В нашем поместье есть отдельные покои, где хранятся различные редкости. Не такой значимости, конечно, в основном безделушки, но и они защищены от краж, от воздействия солнца, пыли, перепадов температуры. Мы даже принимаем гостей — та часть особняка открыта для посетителей и сама, по сути, является небольшим музеем.

Винтермонт запустил пальцы в волосы, взъерошивая их.

— Но для подобной вещи, конечно, нужны были особые приготовления. Пока маги будут наводить дополнительные защитные чары, а инженеры проектировать переделку комнат... Неделию назад отец отдал ушебти мне на временное хранение. Я положил её в сейф, но три дня назад, проверяя, обнаружил — её там нет. Это провал... Если друзья отца из Кемета, те самые, что подарили её, решат навестить нас и пожелают взглянуть на ушебти... это будет скандал международного уровня! Ведь они нынче родственники семьи хедива, то есть правителя Кемета. Наш король сочтёт это оскорблением и непростительной халатностью, такая значимая, уникальная в своём роде вещь! Подарок семьи главы Кемета!

Он обвёл взглядом комнату, и в его глазах читалась неприкрытая паника.

— Единственный, кому я мог довериться, — его взгляд упал на лепреккона, — это сэр Киллиан. Он сопровождал ушебти из Кемета и знает всех, кто имел к ней доступ на протяжении всего пути. И главное — он не связан с Гильдией, не обязан докладывать архимагам, не обязан информировать королевских советников, потому что обладает дипломатической неприкосновенностью.

Киллиан О'Мэлли слегка, почти незаметно, наклонил голову, будто подтверждая каждое слово и принимая на себя роль молчаливого гаранта.

— Я думал, что мы вдвоём справимся, — Персиваль выдохнул, и в этом выдохе было больше отчаяния, чем во всех его предыдущих словах. — Но... следы обрываются, и моей магии не хватает, чтобы выследить вора.

Его взгляд, умоляющий и в то же время оценивающий, перешёл с Теодора на Джейн, затем на Фабиана.

— Я не могу обратиться в Гильдию, не могу поднять официальную тревогу. Не могу даже намекнуть, что случилось нечто серьёзное. Если архимаги узнают — они по уставу обязаны доложить королю. А король... — он сглотнул, и его кадык нервно дёрнулся. — Король спросит с моего отца. И это будет конец.

— Я, выслушав лорда Персиваля, полностью поддержал его решение, — вступил лепреккон. — В Гильдии на такое дело сразу обратят пристальное внимание, и если кто-то хотя бы заподозрит масштаб пропажи... Я тоже рискую потерять всё: положение, доверие двора, доступ к архивам. Ведь сохранность статуэтки в каком-то смысле и моя задача, если бы я не позволил Винтермонту её оставить, этого бы не произошло. Мне в самом деле следовало бы держать ушебти в Королевском Музее хотя бы временно, пока у герцога не будет готово для неё помещение. Поэтому мы решили, что будет благоразумнее обратиться частным порядком к тем, кто служит в Гильдии, но при этом... кровно заинтересован в сохранении статуса дома Винтермонтов. К тому же, — здесь в его голосе прозвучала лёгкая, почти что деловая лесть, — до меня доходили слухи о вас, молодые люди, о вашей слаженной работе. Я уверен, что при ваших навыках и... определённой мотивации вы справитесь с этой деликатной задачей лучше любого официального следствия.

— Мне очень жаль, сэр Киллиан, лорд Персиваль, — сказал Теодор. — Но мы вынуждены отказать. Несмотря на огромное доверие, которое вы нам оказываете, поведав все подробности этой истории, мы с леди Джейн прежде всего — студенты Академии и не можем позволить себе отвлекаться от учёбы. Кроме того, работа в Гильдии уже отнимает значительную часть нашего

времени. Мы не можем взять на себя поиск такой важной пропажи в ущерб образовательным и профессиональным обязанностям. Это было бы безответственно с нашей стороны.

— Ну что вы! — Винтермонт замахал руками. — Мы вас не будем торопить, мы всё понимаем. У вас будет год. Целый год на поиски. Сможете заняться этим поручением неспешно, в свободное время, между учёбой и другими делами.

— Год? — Фабиан выпрямился в кресле. — Но, дорогой лорд Персиваль, как вы себе это представляете? А если Теодор и Джейн не смогут вам помочь, что тогда? Обратитесь в Гильдию, и магистры будут искать пропажу спустя год после исчезновения? Когда все следы окончательно остынут?

— Нет, — отрезал лепреккон. — Никакой Гильдии ни при каких условиях. Если лорд Теодор и леди Джейн не смогут нам помочь, мы найдём кого-нибудь ещё. Частным образом.

Он улыбнулся.

— Но я уверен — более того, я знаю, что вы справитесь. Поверьте духу удачи, у нас, лепрекконов, это в крови — интуиция на успех. Нам, к слову, даже запрещают делать ставки на скачках — слишком нечестно для остальных, — О’Мэлли снова разразился своим кудахтающим хохотом. Успокоившись, он вытер уголок глаза и продолжил уже деловым тоном: — К тому же Эрик Вандер вас очень хвалит. Он вами весьма доволен, а это, скажу я вам, случай из ряда вон выходящий.

— Ха-ха-ха... — не смогла сдержать нервного, сбивчивого смешка Джейн. — Вы, должно быть, шутите, сэр! Или имеете в виду какого-то другого Эрика Вандера, мне не знакомого.

— О, нет, миледи, поверьте, он наделал достаточно шума в Совете Гильдии, когда отстаивал ваше право на серьёзные задания. Видите ли, вам пошли на уступки из-за происхождения, но не собирались давать ничего сложного — дескать, детей герцогов надо побережечь. А Вандер взял да и стал направлять вас то к фоукке, то к селкам, то ещё в какие дебри. Присматривает, конечно, всегда, совсем из виду не упускает, но всё-таки. На Совете ему ставили ультиматум: «Пошли на неразрешимое задание — будет формальный повод уволить», а он — ни в какую.

Джейн и Теодор ошеломлённо переглянулись. Эта информация была для них абсолютной новостью.

— Очень хвалит вас обоих, — продолжил О’Мэлли, явно наслаждаясь их реакцией. — Особенно вас, леди Джейн. Милорда, по его мнению, иногда заносит в излишнюю дотошность и... как он выражается, «бюрократический педантизм». Но зато надёжность лорда Теодора и его аналитический ум вне конкуренции. А вы — его любимица. У вас, говорит, и интуиция живая, и способности к импровизации, и подход к существам разного рода — от благородных до самых скользких, — лепреккон усмехнулся. — Эрик Вандер редко о ком отзывается хорошо, он ко всем относится с одинаковым презрением. Но вы, судя по всему, произвели на него впечатление. И если он в вас верит — то и я верю.

Герцог Флинн произнёс:

— Дадим молодым людям подумать. А пока прошу в гостиную — выпьем вина, господа.

Все встали, но Джейн вдруг громко сказала:

— Нет, ваша светлость, не о чем думать — я согласна.

Ооо, как давно он не ощущал этого страстного желания — макнуть Дженни головой в сугроб, как в детстве! Хотя, пока зимы не было, не было и сугробов... Ведро с водой тоже бы сгодилось.

Теодор старался успокоиться, но чувствовал, что дышит словно разъярённый бык.

Лепреккон захихикал:

— Ну что вы, у вас вполне есть время всё обсудить, не следует соглашаться стгоряча. Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, герцог Флинн.

Отец, О’Мэлли и Винтермонт вышли. Фабиан задержался на пороге.

— Оставь нас, — сквозь стиснутые зубы процедил Теодор, даже не глядя в его сторону.

— Не вздумай секретничать у отца в кабинете, балбес! — с такой же сдавленной злостью отозвался брат, бросая на него взгляд, полный предостережения. — Идите в зелёную гостиную Юфи, — он понизил голос до шёпота, — она не прослушивается.

Теодор запрокинул голову, пытаясь сдержать очередной приступ бешенства, который подступал комом к горлу.

— Спасибо, — нехотя отозвался он, и они с Дженни, не глядя друг на друга, почти бегом вышли в коридор и направились в зелёную гостиную.

Зайдя в тихую, залитую мягким светом комнату, Джейн вместо того чтобы сестра сразу подбежала к большому хищному растению, которое медленно раскрывало свою липкую пасть в ожидании несуществующих мух.

— Знаешь, мне кажется, ты как-то так видишь своего отца, — заметила она, касаясь пальцем безопасного края листа.

Теодор промывчал что-то невнятное и одобрительное.

— Но мы — не мухи, — сказала Дженни уже веселее, обернувшись и глядя ему прямо в глаза.

— Для моего отца все — мухи.

— Я думаю, ты преувеличиваешь.

— Ничуть. И не делай так больше.

— Как? — спросила она, отходя от растения. — Не принимать решения за нас обоих? Не соглашаться, не посоветовавшись? Это только тебе можно, да?

— Нет, — Теодор сдавленно вздохнул. — Прости, я всё понимаю. Но давай не сейчас, Джейн! Дело серьёзное, пахнет большими неприятностями, и я не смогу от него отвертеться — я уже обещал отцу. Но у тебя есть выбор! Прошу тебя, просто откажись от участия...

— И оставить тебя одного со всем разбираться? — перебила она. — Да в сущности, что это изменит! Ты ведь и так не дашь мне по-настоящему поучаствовать, всё, как всегда, будешь делать сам, а я буду стоять сбоку и держать фонарик!

— Джейн, — в его голосе прозвучало предупреждение.

— Мне не нравится, когда ты зовёшь меня полным именем. И мне не нравится, что ты оберегаешь меня, как двухлетнего ребёнка. Мне не нужна нянька, Флинн.

— А мне не нравится, когда ты называешь меня Флинном! — он повысил голос впервые за весь вечер. — И когда действуешь несогласованно! Мы могли хотя бы обсудить заранее, что отвечать, создать общую стратегию! Зачем было сразу вываливать своё решение?

— Ты слышал О'Мэлли, — сказала она, и её щёки покрылись алым румянцем. — Вандер ценит меня больше. Без меня ты...

Она осеклась, но было поздно. Теодор медленно скрестил руки на груди, всё его тело напряглось.

— Без тебя я что? Не справлюсь? Окажусь беспомощным?

Джейн упрямо, почти вызывающе смотрела на него, не отводя глаз, и в этом молчаливом взгляде читался ответ: Да. Именно так.

— В таком случае, — Теодор начал злиться по-настоящему, — я отказываюсь работать по этому поручению вместе с тобой!

— Ты не можешь просто отказать! Мы не в Гильдии! Это частный заказ, и задание для нас обоих! Я соглашаюсь!

— Делай что хочешь! — рявкнул Теодор, резко отворачиваясь к камину, в котором тлели угли. — Только, ради всех богов, не мешайся тогда мне под ногами!

Он тут же понял, что перешёл черту, но глупые, жестокие слова уже вырвались, и забрать их обратно было нельзя. Дженни не дала ему времени на извинения, не позволила увидеть, задрожали ли её губы. Она просто развернулась на каблуках, выпрямила спину и быстро, почти бесшумно, вышла из комнаты.

Глава 6 Дженни. «Буря в стакане»

Выбежав из гостиной-оранжереи как ошпаренная, Джейн оказалась в пустынном, слабо освещённом холле особняка. И поняла, что не знает, куда идти и что делать. Вернуться в гостиную к герцогу и его гостям? Это сочтут за грубость, за прерывание разговора. Оставить записку с согласием и уехать? Это выглядело бы как бегство и тоже было бестактно.

Она стояла посреди широкого коридора, ощущая себя полной дурой и предателем — и по отношению к себе, и по отношению к Тео.

Тут, словно из ниоткуда, возник Фабиан. Он выглядел усталым, но его взгляд был участливым.

— Ну что, Джейн? Договорились?

— Да... Как думаете, милорд... — но она прервалась, услышав за спиной быстрые, твёрдые шаги.

Теодор подошёл и, не глядя на неё, обратился к брату холодным тоном:

— Мы готовы принять поручение, но сможем приступить к нему не раньше чем через два дня. Пусть назначат точное время встречи — мы приедем. А сейчас мне нужно проводить леди Джейн домой, уже поздно.

— Хорошо. Думаю, ехать вам и не понадобится — лепрекон создаст портал. Я их предупрежу и передам тебе их ответ, — Фабиан перевёл взгляд на Джейн, и в его глазах мелькнуло что-то вроде извинения. — Всего доброго, леди Джейн.

— Спасибо, милорд. Всего доброго, — едва слышно ответила она.

Тео, кажется, хотел взять в сопровождающие кого-то из слуг для приличия. Хотя раньше, когда они шли пешком эти десять минут между их особняками, его это не смущало. Но на лестнице их догнала запыхавшаяся Юфимия.

— Я вас провожу! За компанию! — объявила она, хватая Джейн под руку.

Вечерний воздух был свеж после тяжёлой атмосферы особняка. Юфи, прижавшись к Джейн, с неудержимым энтузиазмом рассказывала, как тайно готовилась к экзаменам, как боялась сказать родителям и как всё в итоге сложилось лучше, чем она ожидала.

— Все волнуются, что я не справлюсь, но я не боюсь! Я уверена в своих силах, может, действительно смогу привить в наших землях гранаты. Отец пусть смеётся сколько хочет, но эти растения в дальних странах используют как оберег и символ тепла очага, семьи, плодородия...

Дженни машинально поддакивала, её мысли были далеко. Тео шёл рядом, отрешённый, уставившись куда-то в тёмное небо, где только-только зажигались первые звёзды. «Что он там углядел?» — с горькой досадой подумала она.

Тишина с его стороны была громче любых упрёков, как и всегда. Только Флинн мог молчать так, что это было красноречивее и жёстче слов.

— Вот только младшенькие теперь бунтуют! — хихикнула Юфи. — Они в лицее всю неделю, только на выходные уезжают в поместье. Я и сама раньше всё время в поместье жила, поэтому и мама была там с нами круглый год.

Юфимия гордо улыбнулась.

— Мама теперь может за меня не волноваться, ведь я пошла на поправку! Так что ей нет нужды сидеть со мной, она может снова вернуться в столицу и заниматься обычными для аристократки делами.

Дженни пришло в голову, что герцогиня наверняка вернулась в столицу как раз за тем, чтобы продолжать присматривать за дочерью уже здесь. Но если та этого не понимает или не хочет понимать, тем лучше.

— И Редж с Густы стали проситься на выходные в особняк, хотя отец настаивает, чтобы они продолжали жить в поместье. Не знаю, кто кого переспорит, но не удивлюсь, если к зиме они всё-таки выпросят позволения оставаться в Лисморе!

— Это здорово, я буду рада видеть их чаще! — со всей сердечностью откликнулась Джейн.

— Юфи, — сказал Тео, когда они уже зашли на территорию особняка, — я провожу леди Джейн к дверям, ты побудь здесь, хорошо? Покачайся на качелях, я вернусь мигом.

Попрощавшись с Юфимией, Джейн вместе с Тео поднялись по каменным ступеням к парадному входу. В голове крутились обрывки фраз, попытки извинений, она смотрела на свои руки в тонких чёрных перчатках и не смела поднять глаз. «Сейчас, сейчас надо что-то сказать...»

Тео прервал тяжёлое молчание первым, она с надеждой взглянула на него.

— Нам надо быть настороже, — произнёс он. — Я понимаю, тебе льстит внимание О’М-элли, но нельзя забывать, кто он. Мы, конечно, уже дали согласие, но его попытки осыпать нас комплиментами подозрительны. Рассчитаны на лежковерных и самоуверенных дураков.

— Хочешь сказать... — голос Джейн дрогнул, — ты... имеешь в виду, что я повелась на пустую лесть? Что я настолько наивна?

— Я хочу сказать, что мы оба знаем — Вандер от нас не в восторге.

— Да тебе просто завидно, — вырвалось у неё, — ты завидуешь, что у меня есть успехи и в Академии, и в Гильдии! А ты, даже несмотря на то что трудишься как вол, не достигаешь того уровня...

Она хотела сказать «...к которому стремишься», но было поздно. Тео замер на секунду, его лицо, освещённое тусклым светом фонаря у двери, стало абсолютно непроницаемым. Он медленно, с ледяным достоинством, отступил на шаг. В его глазах не было гнева — лишь глубокая, оскорбительная отстранённость. Как будто она внезапно перестала быть Джейн Блэквуд, а превратилась в случайного, незначительного прохожего, позволившего себе дерзость.

Не сказав ни слова, не бросив последнего взгляда, не удостоив её даже кивком на прощание, он развернулся и пошёл прочь — ровным, неспешным шагом, каким, должно быть, уходили с официальных приёмов, утомившись из-за бестактности гостей.

Он даже не дослушал, а просто... удалился. И это исчезновение в сумраке сада было страшнее ссоры. Оно ставило между ними непреодолимую стену — стену его аристократического презрения к столь вульгарному проявлению эмоций. Джейн была в бешенстве.

На следующий день, на лекции «Зелий и травничество» они сели подальше друг от друга. Кабинет походил не на мрачную алхимическую кухню старых легенд, а на светлую, стерильную лабораторию нового образца — храм точной магии, где интуиция уступала место расчёту.

Холодный утренний свет заливал кабинет. Вдоль стен тянулись шкафы из светлого ясеня, за стеклом которых в идеальном порядке располагались сотни стеклянных банок с сушёными травами, корнями, лепестками и смолами. Надписи на каждой этикетке были выведены безупречным каллиграфическим почерком.

Вместо гигантских, закопчённых котлов на лабораторных столах из тёмного, промасленного дуба стояли изящные приборы: тонкостенные стеклянные сосуды с вытянутыми носиками и колбы на штативах, медные ковшики с длинными ручками для точечного нагрева, крошечные спиртовые горелки с синим пламенем. Рядом лежали наборы серебряных мерных ложечек, пипетки и зачарованные фильтры. В воздухе витала симфония запахов, похожих на запахи лазарета: травы и медицинский спирт.

Современные зелья не варились — они синтезировались. Не бурное кипение, а точный температурный режим, выверенный до градуса. Не горсть ингредиентов, брошенных на глаз, а капли, отмеренные до миллиграмма. Зельеварение давно уже стало частью алхимии, магия здесь была похожа на медицину: точность, стерильность, расчёт.

Джейн заняла место у окна в дальнем конце зала, рядом с массивным гербарием. Она старалась выглядеть поглощённой изучением рецепта на пергаменте, но её взгляд не цеплялся за строчки. Тео сел на противоположной стороне, ближе к дверям и шкафу с реагентами. Их разделяли три пустых рабочих стола.

Когда профессор велел приступить к практике, в комнате зажужжали горелки, зазвенело стекло. Тео аккуратно растапливал кристаллы солнечного кварца в медном ковшике, его движения были выверенными и бездушными. Дженни слишком энергично толкла в ступке лепестки лунной герани, и хрупкий фарфор жалобно звякал. Каждый погружён в свой маленький, изолированный мир слабого кипения и отмеренных доз, будто между ними стояло невидимое, но абсолютно непроницаемое лабораторное стекло.

Джейн, быстренько закончив с перемалыванием ингредиентов и сварив на горелке сносное, на троечку, зелье спокойствия, достала из сумки блокнот для зарисовок. Бумага была тонкой, шероховатой, приятной на ощупь. Дженни проверила, не смотрит ли в её сторону профессор, и принялась выводить мягким графитовым стержнем контуры огромного, упитанного кота, который поймал мышь за хвост и смотрел на неё с глуповатым недоумением.

Ещё вчера Дженни была уверена: надо взяться за ум, за учёбу всерьёз. Чтобы подтянуться до его уровня. Но уже сегодня утром эта решимость опала, как плохо замешанное тесто. «Какой смысл быть идеальной, если Тео всё равно всегда недоволен?» — вертелось в голове. — «Смотри-ка, насмехается над тем, что я могу себя ценить по достоинству, но при этом сам обижается, как ребёнок, если ему кажется, что его ценят меньше».

Кот на рисунке обрёл полосатый окрас. Мышь отчаянно дёргала лапками, Джейн добавила ей крошечную, почти невидимую слезинку.

Она украдкой бросила взгляд через зал. Тео, не отрываясь, следил за тем, как в его стеклянной колбе прозрачная жидкость медленно, по спирали, меняла цвет с лавандового на глубокий индиго. Его лицо было сосредоточенным и пустым — идеальная, полированная маска ученика, прилежно выполняющего задание.

Он мог просто отключиться от чувств, отгородиться, Дженни так не умела. Часть её, та самая, что вчера готова была кричать, сегодня с тоской ждала, что Флинн хоть раз взглянет в её сторону. Хотя бы и с осуждением.

Но он не смотрел, мир в его колбе был куда интереснее. «И пожалуйста,» — мысленно фыркнула Джейн, с силой штрихуя тень под лапой кота.

Следующие лекции в Академии прошли в том же духе. И на следующий день всё повторилось. Дженни и Тео входили в аудитории по отдельности, садились в противоположных концах зала, их взгляды скользили мимо друг друга.

Сидя на уроке «Диагностики и классификации духов», Дженни с тоской думала, что так сильно они с Тео не ссорились даже в лицее. Тогда это были взрывы, крики, летящие в него учебники и его колкие, намеренно сложные отповеди, от которых у неё на глазах наворачивались слёзы злости. А потом неизбежное примирение через два-три дня, когда он не выдерживал и появлялся возле её парты с набором новеньких цветных карандашей. Или она возле его — с кулком конфет и печенья. Песочного, которое он обожал. Да, они не ладили, но не ненавидели друг друга, Джейн всегда было перед ним совестно, если она перегибала палку.

И внезапно её осенила парадоксальная мысль, а может это на самом деле не плохо? Даже, наверное, оптимистично. В лицее они были детьми, их ссоры были бурями в стакане воды, быстрыми и громкими. А теперь...

Однокурсники, разумеется, заметили перемену в их общении. На все вопросы Джейн отшучивалась легкомысленными фразами про «холодный фронт в дружеских отношениях». Тео отвечал односложно и официально: «Профессиональные разногласия по текущему проекту». Разница в формулировках была как нельзя более красноречива.

Дженни сидела в читальном зале библиотеки Академии, затерявшись между высоких стеллажей с фолиантами. Она лениво листала тяжеленный атлас по астрономии, разглядывая гравюры с созвездиями, но мысли витали где-то между вчерашней обидой и предстоящей встречей с лепреконом.

— Прости, что отвлекаю, — раздался рядом голос, ровный и лишённый приветственных интонаций. Тео стоял в полушаге, не приближаясь, будто соблюдал карантин. — Но у нас сегодня днём встреча... С некоторыми лицами, ты помнишь. Пойдём из Академии сразу ко мне в особняк.

— Хорошо, — сдержанно ответила она, не отрывая глаз от изображения дракона, пожирающего свой хвост.

— Нам нужно договориться заранее, — в голосе Тео прозвучала привычная, резкая претензия, — как мы будем себя вести, как разделим вопросы.

— А как мы можем себя вести? — Джейн крепче вцепилась в толстые страницы атласа. — У тебя, что, много вариантов? Поспрашиваем слуг и семью Винтермонтов, под благовидным предлогом, осмотрим место кражи. Или ты планируешь разыграть перед ними пантомиму про идеальное рабочее взаимопонимание?

Она наконец подняла на него глаза. Он стоял, скрестив руки, его лицо было непроницаемым, но в уголке глаза едва заметно дёргалась мышца.

— Я планирую, — произнёс он отчётливо, — чтобы мы выглядели как профессионалы, а не как пара сорвавшихся с цепи подростков, которые разругались из-за комплимента лепрекона. Для этого хотя бы минимальная координация необходима.

Джейн медленно закрыла атлас.

— Хорошо, — сказала она. — Минимальная координация.

Тео чуть приподнял бровь, словно прикидывая, не кроется ли в её согласии подвох.

— Вместе осматриваем место пропажи, вместе говорим с семьёй, — продолжила она. — Затем, разделимся и... каждый осмотрит то, что считает нужным: дом, виноградники, рабочие помещения. Потом — обсуждение наблюдений. Исключительно рабочий контакт. Дальше будем действовать по ситуации.

— Подойдёт. — сухо ответил Тео. — Ты когда освободишься?

— Уже, у меня сегодня больше нет лекций.

Тео слегка покачал головой, но ничего не сказал. Джейн знала, о чём он подумал. В это время дня у них обычно были факультативы — лекции по выбору, не входившие в обязательную программу для Изгоняющих. Тео вписался в целую кучу дополнительных дисциплин: магическую тайнопись, тактику боя, продвинутое законотворчество и много чего ещё. Джейн же ограничилась парой — астрономией и лингвистикой древних текстов. У него сейчас должна была быть практика магического рукопашного боя. У неё — астрономия, но Джейн решила посидеть в библиотеке, а конспекты позже переписать у кого-нибудь.

— Ясно. Тогда приходи через два часа в мой особняк.

Поскольку это было не официальное дело Гильдии, а частное поручение, Джейн позволила себе небольшую вольность. Она надела то платье, которое шло ей больше всего — тёмно-бирюзового цвета, с расшитым поясом, который подчёркивал линию талии. Из какого-то внутреннего озорства она попросила служанку слегка изменить ей причёску: несколько нарочито небрежных, кокетливых локонов теперь выбивались из укладки, обрамляя лицо и шею.

На плече у неё висела сумка с магическими инструментами. Джейн не спросила Флинна, что он возьмёт с собой, что считает нужным взять... Да к чертям этого Флинна и всё, что он там считает.

В особняке Джейн без задержек провели в гостиную. В комнате уже собрались все те же, что и вчера в кабинете герцога: Фабиан, сэр Киллиан О'Мэлли, лорд Персиваль Винтермонт,

выглядевший ещё более измождённым, чем накануне, и сам герцог. Тео стоял у окна, уже переодетый в строгий, практичный костюм для расследования. Она ожидала — нет, почти жаждала — увидеть в его взгляде хоть искру оценки, мимолетное замешательство или признак того, что её тщательно продуманный внешний вид достиг цели. Вместо этого Тео встретил её пустым, рыбьим взглядом, которым обычно смотрят на мебель или слугу, вносящего чайный поднос.

— Добрый день, ваша светлость, милорды, сэр Киллиан, — поздоровалась Джейн, сделав реверанс.

Герцог и его сыновья поздоровались, лорд Персиваль Винтермонт улыбнулся и встал с дивана.

— А, наша спасительница! — оживился лепреккон. — Прекрасно. Если все готовы, мы можем отправляться. Экономим время лучших специалистов!

Сэр Киллиан не стал тянуть — он с лёгкостью взмахнул резной тростью, описывая в воздухе широкую, закруглённую дугу. Там, где прошёл набалдашник, остался мерцающий золотистый след и возникла арка.

Арка не просто светилась волшебством — она искрилась тысячами крошечных пузырьков света, напоминая брызги дорогого шампанского, и казалось, что если прислушаться, можно уловить отдалённые звуки весёлой музыки и смеха.

— Наш экспресс, — с лёгким, театральным поклоном представил своё творение О'Мэлли, — прямой рейс в кабинет лорда Персиваля. Гарантирую плавность хода и отсутствие толчков. После вас, леди и джентльмены.

Джейн уже сделала шаг к мерцающей арке, как Тео молча, но решительно взял её за локоть, отодвинул за себя и шагнул вперёд первым. Он исчез в золотистом сиянии, не оглядываясь, и Джейн, стиснув зубы, последовала за ним. За её спиной прозвучала тихая, довольная усмешка лепреккона.

Они оказались в просторном, но уютном кабинете. Через мгновение рядом с ними материализовались лепреккон и сам лорд Персиваль.

— Прежде всего, — тут же начал О'Мэлли, — истинная причина вашего визита — величайшая тайна. Никто не должен понять, что речь идёт не о чём-то банальном.

— Я не сказал о пропаже даже отцу, — подтвердил Персиваль, нервно проводя рукой по волосам. — Официальная версия для домочадцев — пропали дорогие, современной работы серёжки, которые я приобрёл в Кемете через сэра Киллиана.

— А если ваш отец пожелает лично взглянуть на статуэтку? — уточнил Тео, медленно осматривая комнату. — Или передать её, как и планировалось, в обновлённое хранилище?

Персиваль и лепреккон обменялись быстрыми взглядами.

— Я... подкупил одного инженера из команды, работающей над усовершенствованием покоев, — признался Персиваль. — Он заверил отца, что переделывать нужно слишком много и безопасно переместить ушебти можно будет не раньше, чем через год. Я присутствовал при этом разговоре, а потом намекнул, что статуэтку в любом случае нельзя всё это время держать в обычном сейфе. Отец сам попросил сэра Киллиана временно приглядеть за ней.

— Герцог лично просил меня забрать её в свои кладовые для сокровищ, — с лёгкой, почти беспечной улыбкой подтвердил лепреккон. — Мне пришлось сказать ему, что я так и сделал. Что она теперь в полной безопасности под тройными заклятиями особой, лепрекконской магии.

Джейн не могла в это поверить.

— Вы... обманули герцога Винтермонта? — прошептала она. — Но если он узнает? Если статуэтка не найдётся...

— Тогда, моя дорогая, будем сообща думать, что делать с гневом герцога, — ответил О'Мэлли, и в его весёлых глазах внезапно мелькнула холодная искорка. — Но, согласитесь, это будет куда меньшая проблема, чем международный скандал.

Лорд Персиваль с силой зажмурился, а затем резко открыл глаза, будто отгоняя навязание.

— Давайте побыстрее со всем разберёмся, — выдохнул он, и в его голосе прозвучала почти мольба. — Тогда отец и не узнает. Давайте... давайте взглянем на сейф.

Он подошёл к каминной полке, где висела небольшая картина — пейзаж с видом на семейные виноградники в лучах заката. Сдвинув её в сторону, он обнажил в стене аккуратно вмурованный стальной сейф. Персиваль отошёл, жестом приглашая Джейн и Тео подойти.

— Вот он. Всё как я оставил три дня назад. Ключ-заклинание знаю только я, — его голос дрогнул, и он сглотнул.

Тео молча достал из сумки своё снаряжение: маятники из различных металлов, кристаллы-аккумуляторы и накопители магии в замшевых мешочках, несколько заранее начерченных на пергаменте диагностических кругов. Он работал методично, почти беззвучно, перемещая инструменты вокруг сейфа и над его поверхностью.

— Может, открыть? — почти шёпотом спросил Персиваль.

— Не нужно, — покачал головой Тео. — Вскрытие только сотрёт остаточные следы. Я уже вижу, что внутри.

Джейн подошла ближе, закрыла глаза и начала шептать заклинания эмпатии. Она искала не волшебный след, а человеческий — эмоцию, внезапный всплеск воли. Хотела понять, был ли здесь кто-то, кто нёс на себе отпечаток злого умысла: обиды, жадности, мести.

И ничего: даже страха или радости. След, слабый и размытый, был только внутри самого сейфа, как отпечаток присутствия древнего артефакта. Никаких эмоций или переживаний, всё, что было за пределами сейфа, казалось чистым. Если не вычищенным.

— Увы, господа, — наконец произнёс Флинн, убирая последний маятник, — полная пустота. Словно статуэтка была не извлечена, а испарилась. Или мгновенно переместилась в пространстве, не оставив следа.

Винтермонт резко отвернулся к окну, ухватившись за подоконник. Лепреккон задумчиво разглядывал собственные ботинки с дорогими серебряными пряжками.

— Ничего, — проговорил О'Мэлли сначала почти шёпотом, а затем увереннее. — Ничего, мы тоже не нашли следов, но надеялись, что ваши знания и... особые подходы смогут дать больше. Но и это — результат! Мы только начали. План таков: вы, молодые люди, общаетесь с семьёй лорда Персиваля. Я же отправлюсь допрашивать — вежливо, конечно, — тех, кто сопровождал ушебти во время доставки в королевство.

— Это бессмысленно, — сквозь зубы выдавил Винтермонт, не оборачиваясь. — Моя семья и мои слуги тут совершенно ни при чём, мы зря теряем время.

Тео, не спрашивая разрешения, опустил в ближайшее кресло и достал из сумки блокнот и карандаш.

— Но вы ведь вызвали из других поместий и особняков тех, о ком я вас просил в записке, милорд?

— Разумеется, — устало отозвался Винтермонт, наконец отрываясь от окна и садясь напротив. — Леди Джейн, сэр Киллиан, прошу вас, садитесь.

Дженни и лепреккон заняли свои места. Лорд Персиваль тяжело вздохнул и начал, словно зачитывая тягостный отчёт:

— Сейчас в поместье весь наш ближний круг — мой отец, мой младший брат Мортимер, моя жена Франческа и наш дух домашнего очага, Элдрин. Остальные члены семьи слишком удалены от нас и по родству, и географически, и по интересам.

— Значит, сейчас в доме все те, кто был в поместье, когда ушебти передали герцогу? — уточнил Тео, не отрываясь от блокнота.

— Да, отец и брат и так большую часть года живут здесь, поэтому покои с древностями в этом поместье, а не в столичном особняке. Что не мешает частым гостям, обычно у нас много

туристов, коллекция известная. Но за месяц до того, как привезли ушебти, отец распорядился закрыть доступ: началась инвентаризация реликвий, да и погода стояла такая, что в герцогство всё равно почти никто не добирался.

Винтермонт вздохнул, и в этот момент к нему со стола подлетели графин с водой и стакан.

— Так что здесь были только те, о ком я уже сказал: отец, брат и Франческа. Иногда Элдвин. От момента появления статуэтки в доме до её пропажи — больше никто. Ну ещё слуги, — сказал лорд, отпив воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.